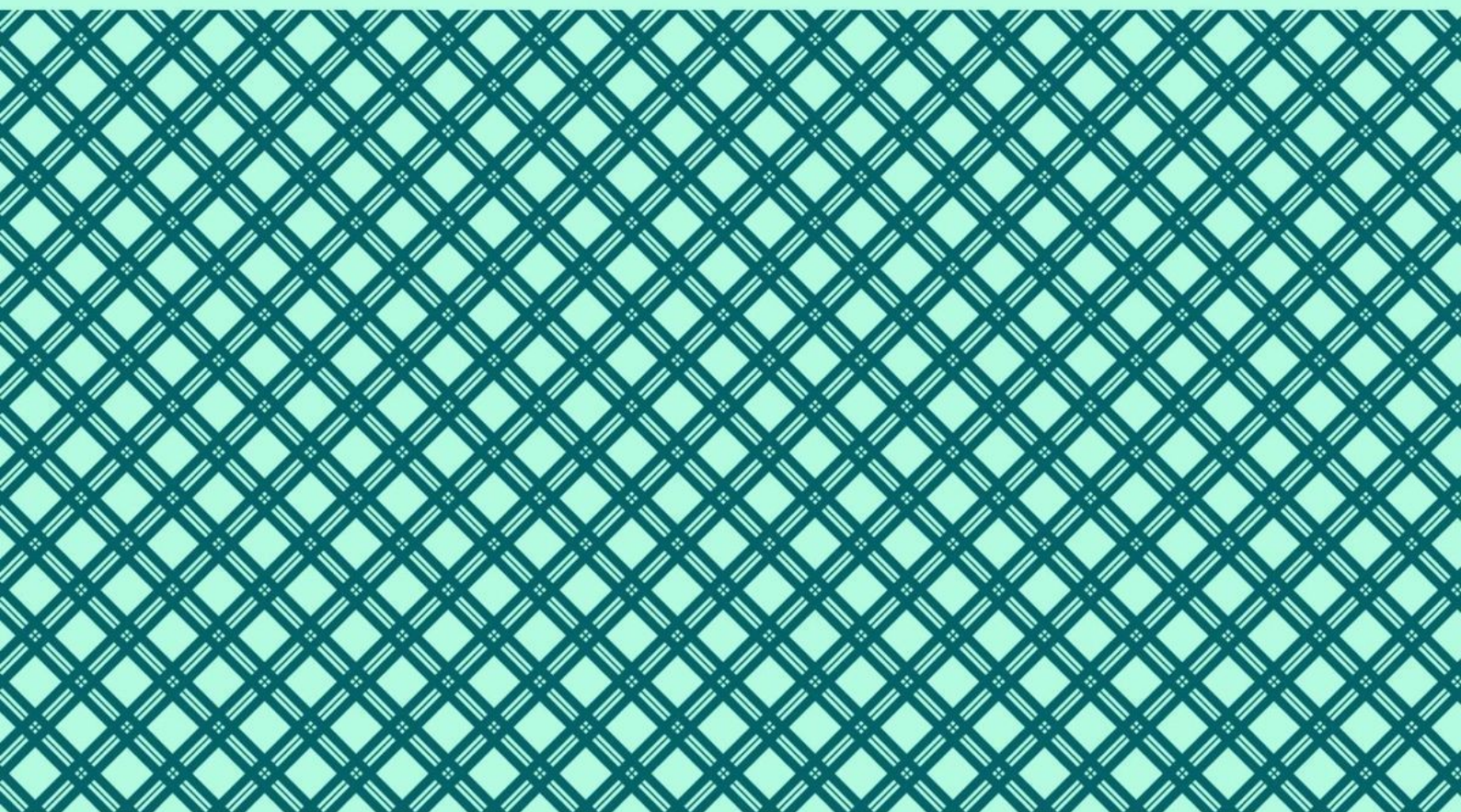

Олег Васильевич Филатов

**ОПЕРАЦИЯ
«ЦАРСКИЙ КОВЧЕГ»**

Трилогия. Книга 1

Олег Филатов

**Операция «Царский
ковчег». Трилогия. Книга 1**

«Издательские решения»

Филатов О. В.

Операция «Царский ковчег». Трилогия. Книга 1 /
О. В. Филатов — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-44-933452-7

Особое место в истории России и мира занимает судьба членов семьи императора России Николая II и его потомков. Заговор с целью устранения от власти императора привел к страшной катастрофе. Это событие отозвалось эхом гражданской войны и гибелью миллионов людей. Материалы, посвященные судьбе царской семьи, показывают, что рассматривалась только версия убийства. В данной книге, основанной на архивных материалах, представлена версия спасения семьи императора России Николая II.

ISBN 978-5-44-933452-7

© Филатов О. В.
© Издательские решения

Содержание

ВСТУПЛЕНИЕ К КНИГЕ «ОПЕРАЦИЯ «ЦАРСКИЙ КОВЧЕГ»	6
ОТЗЫВ НА РОМАНЫ ФИЛАТОВА О. В., ПИСАТЕЛЯ, ПЕРЕВОДЧИКА, ИСТОРИКА, СТ. НАУЧНОГО СОТРУДНИКА ЦВММ МО РФ.	10
ОПЕРАЦИЯ «ЦАРСКИЙ КОВЧЕГ» ГЛАВА I. РЕВОЛЮЦИЯ	11
ГЛАВА II. ШТАБС-КАПИТАН СИМОНОВ	16
ГЛАВА III. РАБОТА БЕЛОЙ РАЗВЕДКИ В ЕКАТЕРИНБУРГЕ	23
Конец ознакомительного фрагмента.	38

Операция «Царский ковчег» Трилогия. Книга 1

Олег Васильевич Филатов

© Олег Васильевич Филатов, 2019

ISBN 978-5-4493-3452-7 (т. 1)

ISBN 978-5-4493-3453-4

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

ВСТУПЛЕНИЕ К КНИГЕ «ОПЕРАЦИЯ «ЦАРСКИЙ КОВЧЕГ»

Особое место в истории России и мира занимает судьба членов Семьи Императора России Николая II и его потомков. Заговор с целью устранения от власти Императора привело к страшной катастрофе. Это событие отозвалось эхом гражданской войны и гибелью миллионов людей. Анализ материалов, посвящённых проблеме изучения судьбы семьи Николая II, и проведённых на настоящий момент исследований показал, что основная часть их направлена на решение вопросов установления лишь одного факта, гибели всех членов Царской семьи в 1918 году. Факт возможного спасения членов семьи Императора России Николая II фактически не рассматривался. Стало быть, не были до конца установлены исторические и юридические обстоятельства, с которыми связывается возникновение, изменение или прекращение правоотношений. А правовую оценку конкретным фактам даёт суд. Его не было ни в 1918 году, ни в 1998 году, то есть в год захоронения предполагаемых останков Царской семьи. Русская Православная церковь не признала данные останки Царскими. Актуальность в решении этой проблемы вызвано ещё и тем, что интерес граждан к прошлому своей родины понятен и без труда объясним.

Как известно, долгое время действовали административные запреты на тему, связанную с именем Императора Николая II и судьбой членов его Семьи. Ответ на этот вопрос надо искать не в гипотезах, а в поиске и анализе исторических документов и их публикации. Для установления закономерностей исторического развития исследуют факты, события и процессы на базе исторических источников. На фоне относительно большого числа публикаций по вопросу расследования убийства Царской семьи на Урале в 1918 г., которые претендовали и претендуют на полноту знаний по данной теме, существуют лишь единичные труды на тему спасения членов семьи Николая II.

Автору понадобилось около 10 лет работы в архивах для того, чтобы собрать материалы для книги «Символ веры», (книга 1-я «Операция «Царский ковчег»). Замысел книги созрел не сразу. Очень много в этой истории было не ясно. Исследуя многочисленные документы и собирая материалы, автор пришёл к твёрдому убеждению о том, что спасение Цесаревича Алексея Николаевича Романова состоялось. Ярким доказательством этого явилась жизнь Цесаревича в СССР под именем Филатова Василия Ксенофоновича.

Книга «Операция «Царский ковчег» – исторический роман, в котором действуют множество персонажей в разное время в разных городах, но всех их связывает одна цель: подготовка к спасению Царской семьи. Автор описывает события 1917—1918 годов, когда ещё шла первая мировая война. Происходят они на Урале и в Сибири в городах Екатеринбург, Курган, Омск, Шадринск. Он подчёркивает, что этот регион России являлся опорным краем державы. Ещё в 1915 году сюда производилась эвакуация промышленных предприятий и различных учреждений и специалистов из Польши.

Там же создавалась следующая линия обороны против наседавшего врага: Германии и Австро-Венгрии. Сюда же были отправлены в лагеря и военнопленные. Как известно к тому времени в России их насчитывалось до 2,2 млн. человек. Ставка Верховного Главнокомандующего в начале 1-й мировой войны находилась в Барановичах, затем в Могилёве, а далее её планировалось перенести в Калугу. Но в ходе войны и последующих изменений в стратегической ситуации, в результате наступления немецких войск, ставка должна была переехать либо в Тюмень, либо в один из городов Урала. На Урале по данным местных архивов формировались войсковые части, к примеру, в районе Шадринска размещались запасные батальоны. А затем там была расквартирована кавалерийская дивизия. Всего к началу гражданской войны

(в мае 1918 г.), здесь располагалось 200 тыс. войск. Золотой запас России из центра переместился в Казань. На Урал, в Екатеринбург, перебазировался Генеральный штаб русской армии. Бывший премьер-министр России князь Г. Е. Львов бежал от большевиков в Тюмень. Семья Императора России Николая II находилась в административной ссылке в Тобольске, а затем в Екатеринбурге. В Екатеринбурге переезжают консульства иностранных государств. (Консульство Великобритании, представители Франции, немецкого Красного Креста). Здесь происходит формирование маршевых батальонов из пленных чехословаков, для отправки на фронт. В романе разворачивается панорама событий, связанная с разразившейся трагедией – революцией, а затем гражданской войной. Руководителями войск и белого движения на Урале и в Сибири являлись:

Болдырев В. Г. – генерал-лейтенант главнокомандующий всеми сухопутными и морскими силами России. (Период с сентября по ноябрь 1918 года).

Колчак Александр Васильевич – адмирал, руководитель антибольшевистского движения в Сибири с 14 октября 1918 г., в должность вступил в ноябре 1918 года, инициатор расследования обстоятельств гибели Царской семьи.

Гришин – Алмазов А. Н. – полковник, организатор и руководитель восстания русского офицерства и Чехословацкого корпуса с апреля по ноябрь 1918 года в центре России, на Урале и в Сибири.

Гайда Радола (1892 – 1948), – один из организаторов мятежа Чехословацкого корпуса (1918), командовал Сибирской армией у Колчака. В мае 1919 года Гайда женился на Екатерине Колчак, племяннице адмирала.

Дитерихс Михаил Константинович – генерал-лейтенант в 1919 г., участник восстания главнокомандующий фронтом. Ближайший сотрудник адмирала А. В. Колчака. В 1922 «правитель» на Дальнем Востоке.

В этих событиях принимают участие и простые жители Екатеринбурга, Кургана, Омска, Шадринска. Показана в книге и работа белой разведки. Главные герои – это офицеры: Симонов, Обыденков, Филатов, Гладких, Мокеев и другие. Описание боевых действий на фронте происходит через переживания одного из основных героев книги Андрея Филатова, Автор даёт читателю возможность понять, чем жил герой, о чём он думал в минуты наивысшего напряжения боя, в первые минуты после ранения, о своей встрече в госпитале с Великой княжной Татьяной Николаевной, которая, уже находясь в 1917 г. в Тобольске, справлялась в своём письме жене генерала Чеботарева о бедном Филатове и советовала искать этого бедного Филатова. Автор показывает истинное отношение Андрея к Царской семье, которую он видел воочию среди раненых и умирающих, находясь на госпитальной койке. Отдельно в романе прописаны ещё несколько героев участников основных событий. Это начальник контрразведки Колчаковской армии штабс-капитан Симонов. Вот что писали о нём участники тех событий. «...Когда был взят Екатеринбург, то из разбитой, отступавшей армии Берзина к нам перебежало много наших офицеров. В числе их был и генерального штаба капитан Симонов, начальник штаба армии Берзина. Хотя это был офицер, причисленный в генеральный штаб уже приказом Бронштейна – Троцкого, но, занимая видную должность у Берзина, он много помогал нашему офицерству перебраться на белогвардейскую сторону и, в конце концов, сам последовал за ними. В Омске он нашёл своего начальника Академии генерала Андогского; последний, покровительствуя Симонову, взял его в Ставку на ответственную должность начальника разведывательного и контрразведывательного отдела. В Омске Симонов всем говорил и докладывал официально Верховному Правителю, что, служа в рядах большевиков, он слышал от комиссаров, что Наследник Цесаревич и Великие Княжны, живы, но неизвестно, где находятся. Лично Симонов твердо верил в это и решительно отстаивал эту версию, но никаких реальных доказательств представить не мог». К этому надо добавить, что вместе с капитаном Симоновым в его отделе служил Константин Семенович Мельник, поручик Императорской

армии. Он женился на дочери доктора С. Боткина Татьяне, и увёз её в Европу. В Тобольске доктора Е. С. Боткина солдаты охраны предупредили о грозящей опасности. И далее: «Для участия в осмотре и для опознания вещей пригласили доктора Деревенко и старика Чемодурова... Доктор Деревенко В. Н., участвовавший в осмотре, был спокоен. Он разделял мнение, что убиты не все...» Выведен в книге и образ секретаря Великого князя Михаила родного брата Императора Николая II – это офицер Обыденов. Именно о нём писал Великий князь в дневнике следующие записи: «28 мая ...Пермь объявлена на военном положении. За последние дни отсюда посылали довольно много рот Красной Армии на разные внутренние фронты... 29 мая. Газет не было из Петрограда уже два дня, а из Москвы почему-то сегодня поезда не пришли... До обеда видел Обыденова, только что возвратившегося из Екатеринбургa, – по-видимому, там военнопленные взяли власть в свои руки и арестовали Советскую власть, то же самое совершилось и в других некоторых городах Сибири...» Автор выводит в романе и образы женщин. Так мы узнаём о любви Екатерины к штабс-капитану Мокееву, об отношениях штабс-капитана Симонова с Александрой Филатовой. В романе рассказывается о событиях и действиях людей, оставшихся преданными Царской семье. К ним относится семья Филатовых и её родственники, которые принимали участие в передислокации Царской семьи в спецукрытие в Заозёрный край. При опросе местных жителей о далёких событиях 1918 года, автор выяснил, кем являлись родственники семьи Филатовых до революции. Ему дружно отвечали, что все они были сапожниками. Одна-ко в ходе работы в двух архивах города с документами стало ясно, что к родственникам семьи Филатова Ксенофонта относилась также семья купца Ватина, и семья купца Седунова А. П. обе были довольно знатными в тех местах.

В романе нет прямых столкновений характеров, нет и длительных, мучительных переживаний героев с кем им идти. Характеры их сложились, люди эти уже были зрелые, однажды выбравшие для себя путь, который им ясен, и с него они не сойдут. Работа требовала от них полной самоотдачи, ведь каждую минуту могло произойти столкновение «стенки на стенку». Так оно и вышло.

К этим событиям был причастен и полководец А. А. Брусилов. В своих мемуарах он писал, что осенью 1924 года к нему в Москве пришёл молодой человек, по виду крестьянин, очень бледный и симпатичный, передал письмо от Наследника Цесаревича. Брусилов и его супруга не поверили. Но, тем не менее, они задали молодому человеку вопрос о том: живы ли они? Крестьянин ответил, что они скрывают Цесаревича. Прочитав письмо, они поняли, что жив не только Наследник, но и его сёстры – Великие княжны.

События, описанные автором в книге 1-й «Операция Царский ковчег» имеют продолжение, и рассказ об этом ожидает читателя в следующей книге.

О. Филатов. Май 2006 года.

Мнение.

Пройдет еще десяток лет, и целый век будет отделять «россиян» от событий, которые для одних были «Великой Октябрьской социалистической революцией», а для других – «октябрьским переворотом». Тысячи и тысячи книг, сотни тысяч статей, сотни (если не тысячи) кинофильмов, осветили, казалось бы, мельчайшие события тех дней. Только вот, где, правда? Ведь трактовка событий тех лет людьми с разными политическими взглядами настолько не совпадает, что невольно рождает в умах разные щекотливые вопросы.

Наша история чем-то напоминает старое заношенное пальто в руках умелого портного. Его перелицовывают, в нем латают дыры, меняют фасон, заменяют истлевшую подкладку и даже снабжают новыми блестящими пуговицами. Только от этого вопросов становится еще больше. Существуют темы, при разговоре о которых «посвященные» скромно отводят глаза. К такой теме относится гибель царской семьи. Казалось бы, все давно ясно. Расстреляли, сожгли, бросили в шахту.

Спустя восемьдесят лет прах царственных мучеников торжественно захоронили в усыпальнице русских царей – Петропавловском Соборе. Только вот, несмотря на всю торжественность момента, никого из высших духовных чинов русской Православной церкви на церемонии не было. Президент несколько раз менял свое решение: «приеду – не приеду». А потом в печати стали появляться документы, в которых утверждалось, что в Соборе захоронены убиенные, но никому не известные мученики.

И это еще не все вопросы-сомнения. Зачем в такой спешке снесли дом Ипатьева в Екатеринбурге, где были расстреляны Романовы? Кому он так «мозолил глаза» – Горбачеву, Ельцину, или кому-то еще, кто стоял за их спиной? У кого такой глубокий исторический склероз, если Храм во имя Всех Святых, в Земле Российской просиявших, построенный на месте дома Ипатьева до сих пор находится на улице... Свердлова. А ведь именно этот человек сделал все, чтобы уничтожить царскую семью. Вспоминается популярный анекдот конца 50-х годов прошлого века. Любознательное дитя спрашивает мать:

– А Сталин плохой? – Плохой! – А Хрущев хороший? – Спи, умрет, узнаем.

Версии и слухи о спасении царской семьи, или хотя бы ее отдельных представителей уже десятки лет будоражат умы. И было бы нелепо уподобляться «знающим людям», которые кратко, но абсолютно не-убедительно резюмируют: «Вопрос закрыт!». Кем, когда и почему? Свердловым, Ельциным, Немцовым? Неужели ответы появятся после того, когда будут сняты последние запреты на доступ к информации и уйдут в небытие те, кто ее охраняет.

Роман Олега Васильевича Филатова «Символ Веры» посвящен событиям, которые никогда не упоминались в нашей исторической литературе. В нем рассказывается о попытке преданных престолу людей спасти царскую семью, спрятав ее на острове в специально построенном доме-ковчеге.

Как следует из сюжета романа, эта попытка удалась, и царская семья осталась жива. Можно, конечно, отмахнуться от этой версии, как от неуместных фантазий автора, заявив подобно чеховскому герою: «не может быть, потому что не может быть никогда». Но стоит прочесть роман и обратиться к архивам, чтобы обнаружить интересный факт. Люди, о которых пишет автор, реально существовали, и в романе они действуют под своими, а не вымышленными фамилиями.

Все, что автор повествует о Шадринске, где и разворачиваются основные события, имеет документальную основу, вплоть до названия улиц и мелких фактов из жизни его обитателей. Ничего не придумано. И роман можно считать энциклопедией жизни российской глубинки в предреволюционные и первые революционные годы. И версия о спасении царской семьи совсем не кажется такой уж невероятной. Во всяком случае, в нее очень хочется верить.

В. В. Богданов, член Союза Писателей России, профессор.

ОТЗЫВ НА РОМАНЫ ФИЛАТОВА О. В., ПИСАТЕЛЯ, ПЕРЕВОДЧИКА, ИСТОРИКА, СТ. НАУЧНОГО СОТРУДНИКА ЦВММ МО РФ.

Трилогия О. В. Филатова «Операция царский ковчег», «Символ веры», «Соединяя Берега» – разные по жанрам произведения.

Первая книга представляет собой авантюрно-приключенческий роман с элементами подлинной исторической хроники;

Вторая – художественно-публицистический роман, опирающийся на историко-документальные источники российских архивов и архивов иностранных государств;

Третья книга представляет собой жанр документально-экспертного романа.

Однако романы имеют единую нравственно-просветительскую цель – разобраться в судьбах членов Семьи Императора России Николая II.

Трилогия оптимистична, ибо оставляет надежду о возможном спасении некоторых членов Царской семьи в 1918 году.

Особенно волнует читателя судьба и удивительное спасение Цесаревича Алексея, и его волшебное исцеление. Через воспоминания главного героя мы узнаём о чести, мудрости, пури-танстве царской семьи, её толерантности к другим, эмпатии и милосердии к слабым и нуждающимся в помощи.

Автору книг через опыт международного сотрудничества независимых научных групп Германии, России, Финляндии, Японии удалось провести идентификацию личности гражданина СССР Филатова В. К. как Цесаревича Алексея Николаевича Романова в период с 1994 по 2003 годы.

Желание добиться правды, раскрыть истинный смысл исторических событий, несомненно, говорит о том, что эта трилогия имеет важное научное и социальное значение, поскольку служит святому делу установления истины!

Астахова С. В., филолог Самарский Государственный Университет, кандидат психологических наук, доцент.

ОПЕРАЦИЯ «ЦАРСКИЙ КОВЧЕГ» ГЛАВА I. РЕВОЛЮЦИЯ

Осенью 1917 года штабс-капитан Игорь Васильевич Мокеев вернулся в свой родной город Шадринск. Он сразу решил повидаться с отцом в городской управе, а потом уже идти домой. Когда штабс-капитан вошёл в управу, он увидел, что возле окна за столом сидела девушка. Она поднялась, и он обратил внимание на то, что на ней была одета белая из домо-тканого сукна поддевка с красной узорчатой оторочкой по борту и рукавам, в красном вязаном платке с кистями. Она стояла, смущенно улыбаясь, чувствуя, что на неё смотрят.

Лицо девушки приковывало к себе взор не той идеальной красотой, что чарует нас не совершенством форм человеческого тела, а духовной чистотой, которая преображает даже обыкновенное человеческое лицо, озаряя его дивным светом. Так обычно солнечные лучи, падая на каплю росы, превращают ее в сверкающий бриллиант.

Щеки ее рдели густым, горячим румянцем юности. Серые с легкой голубизной глаза её смотрели прямо, распахнув тонкие ресницы, по всей видимости, она исполняла обязанности секретаря, и видно было, что в ясной глубине их искрится радость счастья – чистая в своем бескорыстии.

Она присела за стол. Штабс-капитан Мокеев обратился к ней:

– Скажите, Городской голова не занят?

Катя, с улыбкой смущения смотрела на Игоря Мокеева.

– У него посетитель, но Василий Яковлевич скоро освободится. Подождите, пожалуйста.

Штабс-капитан, покачав головой, и сказал:

– К сожалению. У меня времени в обрез. Зайду позже.

И вдруг спросил:

– Скажите, а мы с Вами не знакомы? Не учились ли Вы в женской гимназии?

– Да училась.

– Меня звать Игорь. А Вас?

– Екатерина.

– Как у вас со временем? Я хотел бы Вам предложить встретиться и, так сказать, вспомнить старую жизнь. Екатерина, смущенно улыбаясь, чувствуя, что на неё смотрит в упор молодой человек, ответила:

– Я не против. Только после работы. Я вспомнила Вас, Вы сын Василия Яковлевича. Вы тогда учились в реальном училище. А потом уехали и поступили в военное училище. И пытались ухаживать за мной.

– Так точно. Потом война. Вот только что вернулся. Я рад, что вы откликнулись на моё предложение. Сказано сделано. Приглашаю Вас к нам домой, тогда когда вам будет удобно. Вы мне сами скажете. Я ещё к вам зайду. Честь имею. – Он откланялся.

Екатерина вспомнила Игоря. Она помнила, какая жизнь была в Шадринске несколько лет назад, и о том, что приедет ли к Рождеству Игорь, и еще о том, успеет ли мама, заказать ей новое синее платье у портнихи.

Вышел Городской голова и сказал:

– Катя, зайди к нам, и скажи Анне Ивановне, что я на станцию поехал. Может, сына успею увидеть. Пусть домашние готовятся встречать гостей. Шутка ли, сам генерал приедет!

– Василий Яковлевич, а Ваш сын был здесь. Он сказал, что позже зайдёт.

– Спасибо, Катя.

Катя побежала по улице и скоро оказалась около дома Мокеевых.

– Анна Ивановна, – сказала Маша, запыхавшись от бега, – я от Василия Яковлевича. Он просил передать, что уехал на станцию. И просил передать, чтобы готовились, генерал скоро приедет.

Анна Ивановна предложила Кате чая. Она не отказалась. Катя нравилась Анне Ивановне.

– Вот бы нашему сыну жену такую. Катя была в том настроении, когда хочется сделать всем что-нибудь приятное, сказать ласковое слово, когда все люди кажутся хорошими. И ей особенно хотелось услужить Анне Ивановне. Она предложила Анне Ивановне накрыть стол. Анна Ивановна сказала, обращаясь к ней:

– С большим удовольствием. Сердце у тебя доброе, спасибо. Скажи, Катя. А ты нашего Игоря помнишь?

– Да, Анна Ивановна, я сегодня его видела. Он предложил мне встретиться и вспомнить молодые годы.

– Игорь – хороший парень. Такой, до гроба любить будет. Выходи за него.

– Ну, что вы, Анна Ивановна! – воскликнула смущенная и, счастливая Катя.

– Так сразу. Надо подумать. А вдруг я ему не глянулась.

– У меня как у матери одно в голове: надо Игорю жениться. Внуков хочется... А больше ничего не надо.

С порывами ветра доносился далекий перезвон колокольчиков и бубенцов; Это ехали гости. Катя вглядывалась в даль, освещенную яркими солнечными лучами, а на улице было безлюдно, а колокольчики все звенели и на разные голоса вторили им медные бубенцы.

Катя часто бывала в этом доме, и ей нравились просторные комнаты с широкими окнами и высокими потолками, стены из тесаных сосновых бревен, издающими смолистый запах. Нравилась ей и какая-то особенная чистота вокруг: полы блестели, на столе сверкала белизной скатерть, на окнах висели снежно – белые занавески. Чистота была Богом Анны Ивановны. Она проверяла, тщательно ли, вытирал гость сапоги в сенях. Она встречала их ласковой улыбкой, уважение к ее труду она считала лучшей рекомендацией человека.

Освободившись от хлопот, Анна Ивановна любила поиграть на рояле. Катя с удовольствием слушала музыку. Часто, Анна Ивановна была так поглощена музыкой, что иной раз и не слышала ни скрипа двери, ни легких шагов Кати.

Слушая «Лунную сонату» Бетховена в исполнении Анны Ивановны Екатерина всей душой своей погружалась в пучину, редкой по красоте музыки, то мечтательно – спокойной, то стихийно – бурной. Она ощущала нарастание страстного чувства, доходящего до настоящей душевной бури. Она словно вступала в зачарованный мир мечты и воспоминаний одинокого человека. На медлительном волнообразном сопровождении она начинала ощущать, как возникает полное глубокой выразительности пение. Чувство, вначале спокойное, разрасталось до страстного призыва. А затем постепенно наступающее успокоение, вводило всё в свое обычное русло, и вновь раздалась грустная, полная тоски мелодия, замирающая затем в глубоких басах на фоне беспрерывно звучащих волн аккомпанемента. А далее, музыка начинала напоминать Кате танцы эльфов. Мелодия чудесным образом переходила от мечтательности к могучему, гордому финалу, который воспринимался как стремительный вихрь страстных переживаний. Перед ней проносились темы – грозные, жалобные и печальные – целый мир взволнованной и потрясенной человеческой души. В ней самой разыгрывалась подлинная драма – столкновение душевных сил, страстное отчаяние, одиночества и неудовлетворенности.

При звуках «Лунной сонаты» она представляла себе прекрасную лунную ночь на озере в горах. За этим звучанием музыки раскрывался личный мир человека – от сосредоточенного, спокойного созерцания до крайнего отчаяния.

Но сегодня эта музыка настроила её на лирический лад. Она с нетерпением ждала встречи с сыном Анны Ивановны. «Счастливая, счастливая!» – думала Катя, глядя на белые маленькие

холёные руки, взлетавшие над клавишами, вдруг почувствовала запах вешней земли, усеянной белыми подснежниками.

У неё было такое чувство, что уже наступила весна. И она, томимая неясной грустью, бродила в сосняке, среди кочек, покрытых зеленым плюшем мха, и собирала подснежники. Журчала вода, и солнце так светило, что было больно глазам. Неумолчно звенели зяблики, повторяя одну и ту же несложную песню, как бы спрашивая друг друга: «Не правда ли, как хорошо? Как хорошо!» И Катя почувствовала, что ей тоже хорошо оттого, что журчит вода и блесит солнце, и от запаха земли кружилась голова. Катя присела на кочку, покрытую брусничником, и вдруг заплакала от ощущения близкого счастья. И сейчас, испытывая такую же радость близкого счастья, Катя бросилась к Анне Ивановне, и обняла её.

– Счастливая вы! – прошептала она, любуясь умиротворенным лицом Анны Ивановны, и самое счастье предстало перед ней в образе матери, ждущей любимого сына.

Анна Ивановна, встала, прошла в соседнюю комнату. Открыла шкаф, достала и принесла платье, и Катя, не ожидавшая, этого, нетерпеливо переодевшись, подошла к зеркалу. Катя, взглянув на себя, нашла, что в этом новом платье из светло – синей шерстяной материи она стала еще красивей. И Анна Ивановна залюбовалась ею.

– Ты счастливей меня, Катя, – в раздумье сказала она.

– Почему, Анна Ивановна? – удивленно спросила Катя, поворачиваясь перед зеркалом так, чтобы видеть платье сбоку.

– Потому что тебе двадцать лет, – тихо сказала Анна Ивановна, оглядывая фигуру Кати, дышавшую радостной силой здоровья.

– Платье хорошо сидит на мне, не правда ли, Анна

Ивановна? – сказала Катя, охорашиваясь перед зеркалом; она вдруг услышала пофыркивание лошадей за окном и, побледнев, прошептала:

– Игорь приехал!

Анна Ивановна позвонила в колокольчик и горничная побежала в прихожую, чтобы открыть дверь.

– Что же мне делать? – Растерянно прошептала Катя и, чтобы Игорь не подумал, что она нарядилась ради него, хотела снять новое платье, крючки на воротах не расстегивались, она бросилась в соседнюю комнату, чтобы убежать через другую дверь, ведущую во двор.

Анна Ивановна распахнула дверь и, плача от радости, прижала к груди голову сына, покрывая поцелуями щеки, лоб, волосы.

– Приехал, Игорь? Говорила же я... не летом, так осенью...

– Здравствуй мама!

– Ты надолго, Игорь? – сказала Анна Ивановна, едва удерживая слезы.

– Во всяком случае, пробуду здесь не один месяц.

Пообедав, все долго говорили... приехал отец. Он только что встречался с генералом. Доложил обстановку на Урале. Передал сыну пожелания генерала, чтобы он остался служить здесь в городе. Работы будет много.

Анна Ивановна аккуратно намекнула отцу, что Игорь и Катя хотят остаться вдвоем, и, хотя ей хотелось ещё побыть с сыном, она на время попрощалась, трижды поцеловав его. А когда он отошел, она ещё раз посмотрела на него, и прошла к себе в столовую.

Катя и Игорь вышли на улицу и решили погулять. Они пошли в городской сад. Березы, роняли на землю золотисто-желтые листья. Испуганно шелестела багровой листвой осина, казалось, она охвачена каким-то тревожным огнем. Ветер сорвал лист, покружил его и бросил к ногам Кати. Она подняла его, положила на ладонь и вздрогнула: лист был кроваво-красного цвета.

Кате хотелось многое сказать Игорю, и она рассказала ему о своём житье – бытье. О том, что происходило в городе в эти годы, пока его не было. Он слушал её со вниманием и не перебивал. Он любовался ею.

Справа в глубину сада уходила узенькая тропинка, усыпанная листьями. Над тропинкой поднималась высокая сосна, а к её могучему стволу его жалась тоненькая березка, удивительно белая на темном фоне сосновой коры: как бы одетая в атласное платье, гибкая, она обвивалась вокруг толстого ствола сосны и тянулась вверх, к свету и солнцу.

Взглянув на нее, Игорь и Катя, не сговариваясь, но, подчиняясь неодолимой силе, пошли по тропинке в глубину сада, который плавно переходил в сосновый лес. Тропинка была узенькая, для одного человека, и они шли, касаясь, друг друга то рукой, то плечом. Вдруг Катя взяла Игоря под руку и оперлась на нее. Игорь ощутил на своей щеке её горячее, прерывистое дыхание и почувствовал как оно обжигало его...

Есть непонятная прелесть в тишине осеннего леса в ясные сухие дни «бабьего лета». Неподвижно стоят деревья, как бы замирая в радостных воспоминаниях о веселых днях лета, о несмолкаемом щебетании птиц, шелесте листьев, гудении пчел и жуков. Тихо в лесу, кое – где лишь с легким шорохом осыпаются листья с берёз и, кружась, ложатся на тёмную сырую землю. Не слышно их радостных песен птиц, лишь позванивает в свой стеклянный колокольчик синица: цынь—цынь-цынь! Вот с ветвистого могучего дуба сорвался коричневый, похожий на майского жука, желудь, прошелестел в жесткой побуревшей листве и щелкнул по щеке Катю. Она испуганно открыла глаза, вскочила с пестрого ковра листьев... огляделась – никого. И, увидев желудь, поняла, что она пробудилась от сладкого забытья, и рассмеялась, тормоша Игоря, осыпая его лимонно – желтыми листьями березы, теребила мягкие волосы Игоря, целовала его смеющиеся глаза с густыми, как у матери, пушистыми ресницами...

Поженились они в сентябре. Свадьба была скромной. Были родственники, друзья, сослуживцы. Медовый месяц провели на даче, вблизи города. Но вскоре после октябрьского переворота в Петрограде по городам и селам России прокатилась волна погромов. Не миновали они и Шадринска. Скорее всего, они явились следствием безвластия на местах, так как старая власть уже не функционировала, а советы еще не организовались. В ночь на 15 ноября 1917 года был разгромлен государственный винный склад, находившийся в здании ликероводочного завода. Летом здесь находился временный госпиталь для раненых на фронтах империалистической войны, но, видимо, к осени он уже свернулся. На складе в то время хранился огромный запас спирта, который привлек внимание деклассированных элементов, любителей приключений, а также солдат Шадринского гарнизона. Спиртрасхищался как штатскими, так и военными. Пьяными людьми из ротных помещений была расхищена часть винтовок и патронов, а в некоторых ротах произведен разгром цейхгаузов. Из тюрьмы бежало до 40 арестантов и бежавшими произведен ряд грабежей и убийств. Во всеобщих беспорядках приняли участие не только городские, но и сельские жители. Так, некоторые жители села Красномыльского в первый день погрома успели съездить в город раза по три, в результате чего была организована большая пьянка, произошло много драк. В некоторых селах положение усугубили уголовные элементы, сбежавшие из тюрьмы. Так, в селе Лебяжем трое уголовников выбивали стекла, зажигали зароды соломы и хлеба и намеревались сжечь все село, да вдобавок еще совершили убийства. По решению сельского схода они были тут же казнены. Начиналась эта заварушка и в селе Масляном: пьянство и дебош. Собравшийся сельский сход назначил патрулями 26 человек, предписав каждого буяна садить на 2—3 суток в холодный амбар. Скоро в селе установилось спокойствие. 15 ноября в Шадринске было объявлено военное положение, создан комитет по охране города, председателем которого избрали Николая Васильевича Здобнова. Позднее он стал выдающимся библиографом, классиком русской библиографии. Он родился в Шадринске, основал первую шадринскую газету «Исеть», затем занялся политической деятельностью: стал видным деятелем партии эсеров, был избран председателем

Шадринской городской Думы, депутатом Всероссийского учредительного собрания, назначен (после разгона последнего) министром Комуча (Комитета членов Учредительного Собрания), был арестован Колчаком и, наконец... занялся библиографией. В считанные месяцы он становится ведущим библиографом страны, возглавляет журнал «Северная Азия», готовит многотомную «Библиографию Бурят – Монголии», «Библиографию Дальневосточного края»... В промежутках многократно арестовывается, но – пока не начинается война – его охраняет чья-то невидимая рука... Это была рука А. А. Жданова. Жданов был руководителем партийной организации г. Ленинграда. А пока шёл 1917 год. Н. В. Здобнов был председателем Шадринской городской Думы, а А. А. Жданов – председателем Шадринского Совета солдатских депутатов, они сотрудничали в Комитете по охране города, наводили порядок после разгрома спиртзавода. Кроме того, жены Н. В. Здобнова и А. А. Жданова – подруги по шадринской гимназии, и в Москве они время от времени перезваниваются. Итак, А. А. Жданов, стал заместителем Здобнова, членами комитета стали И. М. Петров, И. Я. Возжаев и М. А. Пономарев. Комитет выпустил воззвание, в котором граждане, желающие вступить в добровольную охрану, приглашались явиться в Совет рабочих и солдатских депутатов для записи. Для охраны порядка в городе были созданы конная и пешая команды. В ночь на 16 ноября чуть не во всех концах города были слышны выстрелы. Позднее выяснилось, что это стреляли пьяные солдаты или не умеющие обращаться с оружием добровольцы-охранники. Часов около 11 вечера с пожарной каланчи раздался набат. Оказалось, что это зажгли разлитый на пустыре керосин. Огонь скоро потушили. Утром 16 ноября по осаждавшим шадринский винный склад толпе было дано несколько залпов. Оказался один убитый и несколько раненых. В это время принимались и ошибочные решения, как, например, об уничтожении нескольких десятков тысяч ведер спирта, который был спущен в реку Исеть. Но порядок понемногу восстанавливался. Дружинники заняли и охраняли основные объекты и учреждения города. С утра 17 ноября солдаты выходили из казарм только по увольнительным запискам. Вечером 17-го было получено сообщение о прибытии отряда солдат из Омска. Количество пьяных уменьшилось. Восемнадцатого отряд прибыл. Организовалась следственная комиссия по расследованию преступлений, совершенных за три дня. В нее, в частности, вошли прапорщик Беньямович и солдат Зайков. Безобразий было много. В квартире владельца типографии Сергея Жернакова, сторонника большевиков, был произведен разгром, в котором участвовал отряд конной охраны. По чьему приказу ворвались в квартиру, следственная комиссия не установила. Во время беспорядков нередко возникали стычки с применением оружия, драки, в результате которых и от чрезмерного употребления спирта погибло 80 человек. В ночь на 18 ноября в деревне Камчатке произошёл пожар. Предполагали, что загорелось случайно, от неосмотрительности с огнем пьяных людей, которых было более чем достаточно. Сгорел один дом. О беспорядках и необходимой помощи сообщали из сел Иванищевского, Ольховского, Маслянского, Далматово. Как сообщала местная газета «Народная мысль», безобразия творились в селах Каргапольском, Белоярском и других. И так, на водворение порядка и спокойствия в городе и уезде было поставлено все. Шадринская городская пожарная команда в течение пяти дней не раздевалась и не смыкала глаз». С помощью военных и общественности порядок восстановился, военное положение в городе было снято, и 24 ноября отряд из Омска уехал в свой город

ГЛАВА II. ШТАБС-КАПИТАН СИМОНОВ

Штабс-капитан Симонов, начал свою работу в Екатеринбурге ещё задолго до своего будущего назначения Троцким в штаб 3-й армии красных. В городе он находился уже не одну неделю. Подпольная офицерская организация поручило ему войти в доверие к большевикам. Он прибыл в город, как и многие другие, после революции. Определился на жительство к Филатовой Александре. Часто выезжал в города: Москву, Санкт – Петербург, Тобольск, Самару, Казань, Омск. Случай представился неожиданно. Как-то, сидя в одном из привокзальных ресторанов, он в очередной раз обедал и делал вид что скучает, глядя в окно. На самом деле, он ждал поезда, на котором должен был прибыть очередной связник для передачи информации. Его уже давно не было. Пошла вторая неделя. Вдруг в зал вошёл человек, одетый в военную форму и направился к его столику. Симонов подумал: провал. Но, почему тогда он один, а не с нарядом солдат. Да ну, что это я. Какой провал. У них тут разведкой и не пахнет. Но, тем не менее, приготовился к возможному сюрпризу со стороны незнакомца. Город и его окрестности он хорошо изучил. Пути отхода у него были. Рядом был лес. Да и документы у него были в порядке. Офицер после ранения. Не определился. Живёт как многие. Ушёл от войны. Радуетса жизни. Человек подошёл к нему и просил:

– Уважаемый, извините, у Вас свободно? Симонов ответил:

– Да, конечно.

Незнакомец присел. Заказал себе первое, водки. Стал спрашивать.

– Давно ли с фронта? Вижу по выправке, что Вы офицер.

– Вы не ошиблись штабс-капитан Симонов.

– Звание на фронте получили?

– Нет.

– Учились?

– Да закончил Академию Генерального штаба. А Вы кто, собственно? Почему интересуетесь?

– Я представитель местного военного отдела. Недавно были созданы на, базе солдатских секций Советов, вместо упразднённых, императорских. Нам в будущем понадобится новая армия. И её ещё надо будет создавать. Но наметки уже есть.

– А я чем собственно могу помочь? Ведь я уже один раз присягнул на верность царю и Отечеству.

– Бросьте Вы эту демагогию. Пить будете? Я тоже, понимаете, служил на флоте. Когда всё покатилося, надо было выбирать. Я выбрал. И Вам советую. Скоро всех тут переписут, куда Вы денетесь. Симонов ответил:

– Я думаю, что пока нет никакой необходимости здесь иметь армию. Фронт-то на Западе. – Незнакомец ответил:

– Когда начнётся настоящая революция, надо будет защищать интересы народа. Сами подумайте, ведь прежняя власть не отдаст так просто всё в руки народа.

– Позвольте с Вами не согласиться, какого народа? – Вы знаете, что страна раскололась. Я ни к каким группировкам не принадлежу. Устал от войны. Мне всё это надоело. А Вы мне опять тут про политику. Незнакомец, наконец, соизволил представиться:

– Хохряков Павел Данилович. Капитан, – говорил он уже слегка заплетающимся языком, стараясь придать себе значимость, он начал рассказывать интересные вещи, которые заинтересовали Симонова

– В масштабе всего Урала вопросами создания и управления вооружёнными силами ведал Уральский областной военный отдел, или Военный комиссариат. Формально он уже есть в исполкоме Уральского Совета рабочих и солдатских депутатов, избранного II областным

съездом Советов в августе 1917 года, но состоит он из одного человека, меня. Сам понимаешь, работы большой, проделать я один не смогу. Так, что могу рекомендовать тебя местным товарищам. Филиппу Исаевичу Голощекину, Николаю Ивановичу Уфимцеву. Получишь от нас письмо, поедешь в Москву. Ты опытный, обрисуешь обстановку, там тебя утвердят. Выдадим тебе мандат, паек, гарантией твоей безопасности будет твоя работа. Поймаем на чём, шлёмнем. Приходи завтра в Горисполком. Найдёшь меня. Поговорим. Симонов ответил, что подумает.

Так и закончилась их первая встреча.

Симонов знал, что на Урале в 1917 году располагалось большое количество частей и соединений старой русской армии, в которых насчитывалось более 200 тысяч солдат и офицеров. В связи с чем, большевистские партийные организации проводили активную массово-политическую работу в гарнизонах Екатеринбурга.¹

Однако одного революционного порыва для борьбы с регулярными войсками противника оказалось недостаточно. Многие бойцы добровольческих формирований были слабо обучены или вовсе не умели даже стрелять. Вместе с тем на Урале отряды Красной гвардии сохраняли свою самостоятельность в виде резерва РККА до лета 1918 года.

В Тюмени на одной улице располагаются два штаба: один записывает в Красную гвардию, другой вербует в белые банды. Отпору концентрирующимся в губернии силам контрреволюции препятствуют меньшевики и эсеры, имеющие большинство и в Тобольском и в Тюменском Советах. В октябре 1917 года генерал Дутов А. И. захватил города Оренбург, Троицк, Челябинск, Миасс, Каменск-Уральский и связь города с Москвой и Сибирью была прервана до апреля 1918 года.

После того как в Екатеринбург прибыли представители английского и французского консульств у Симонова появилась возможность передавать информацию через их представителей руководителям подполья, то есть непосредственно полковнику Гришину-Алмазову. Но этот канал был для него запасным. Открыто, этого делать было нельзя. Капитан знал, что будущие органы власти формировались в Петрограде, уже в октябре – ноябре 1917 года был создан «Комитет спасения Родины и революции», под председательством Н. Д. Авксентьева, куда входили и эсеры. Под флагом комитета было организовано выступление юнкеров. В ноябре 1917 года он был преобразован в «Союз защиты Учредительного собрания». Кроме того, в Екатеринбург, начиная с октября – ноября 1917 года прибывали люди из «Комитета общественной безопасности». Сибирская областная Дума, начала свою деятельность с декабря 1917 в г. Томске и работала по сентябрь 1918 года. Она была создана «сибирскими областниками», меньшевиками и эсерами. В неё входили группы общественных деятелей Г. Н. Потанин, Н. М. Ядринцев и др. сторонники экономического и культурного развития Сибири. Особенно был известен Потанин Григорий Николаевич. Он был русским исследователем Центральной Азии и Сибири. Между 1863—1899 совершил ряд экспедиции на озере Зайсан, хребет Тарбагатай, в Монголию, Туву, Китай, Тибет, Большой Хинган. Совместно с женой – А. В. Потаниной собрал ценный этнографический материал.

В это же время в Омске образовалось Сибирское правительство, во главе его вооружённых сил встал А. Н. Гришин – Алмазов. Сибирское временное правительство начало формирование Сибирской армии. В Тюмени появился князь Львов, бывший глава Временного правительства. Выйдя из состава Правительства, он некоторое время пробыл в санатории, был

¹ Город Екатеринбург насчитывал 56 тыс. чел. жителей. Он был 3 км в ширину, 5 км в длину, 102 улицы. В Перми проживало 47 тыс. чел., в Уфе 50 тыс. чел., в Оренбурге 74 тыс. чел. В других городах, Троицке, Кургане, Шадринске, Вятке, Глазове по 25 тыс. чел. По дореволюционному военно-административному делению уральские губернии – Вятская, Пермская, Оренбургская и Уфимская, составляли Уральскую область, входили в Казанский военный округ. Казань считалась крупным городом, в нём проживало 161 тыс. чел. В городе располагались юнкерское училище, 3 фельдшерских школы, 120 учебных заведений, университет, 88 начальных школ и различные училища, 123 библиотеки. Всего в городе насчитывалось 67.760 мужчин учащихся и 2897 женщин учащихся.

в Оптиной пустыни, а затем в августе месяце он переехал в Москву. В сентябре месяце он уехал в Крым, откуда вернулся снова в Москву 25 октября. В ноябре месяце 1917 года оставаться в Москве ему стало рискованно, и он уехал в Сибирь, поселившись в Тюмени. Вызванный в местный Совет, он сказал, будто приехал «по лесопромышленным делам», после чего был отпущен и тотчас исчез. О князе Львове было также известно, что среди членов фракции Народной Свободы первой Думы он был тем человеком, которому суждено было впоследствии выдвинуться на авансцену истории. По отзыву его коллег по Думе князь Львов никогда не рассуждал отвлечённо, теоретически. Его острый ум был исключительно практический, то, что в просторечии называется «смекалка». Используя свою «смекалку» он легко разбирался в технических вопросах, сам был отличным столяром и поваром, но также легко ориентировался в сложных вопросах русской политической жизни. Она же помогала ему в оценке людей, нужных ему для его общественной работы, которая отличалась всегда большим размахом. Когда его выбрали в первую Думу, он вошёл в кадетскую партию, но ушёл из неё, не пожелав скомпрометировать себя «Выборгским воззванием». До войны, продолжая возглавлять общеземскую организацию, расширял свои связи влево и вправо, никогда не высказываясь публично. Война увеличила его популярность как председателя Земского Совета. Коллективная работа земцев и земских служащих в тылу и на фронте, которой он не столько руководил, сколько поощрял, создала ему славу и симпатии в армии и в стране. При поддержке армии, нуждавшейся в помощи Земского Союза, он вырывал миллионы у правительства, боявшегося популярности этого таинственного человека. В общении он был мягок и обворожителен.

Выход у Симонова на Львова был через своего человека, гражданина Обыденова, который имел псевдоним «Сокол», курсировавшего между городами Урала. Он знал, что князь Львов приложил определённые усилия для того, чтобы Царскую Семью для их благополучия увезти из Царского. Обсуждение всех вопросов, связанных с этой необходимостью, было поручено Керенскому. Он делал тогда доклад Правительству. Было решено перевезти ее в Тобольск. Сибирь тогда была покойна, удалена от борьбы политических страстей, и условия жизни в Тобольске были хорошие: там удобный, хороший губернаторский дом. Юг не мог быть тогда таким местом: там уже шла борьба. Решение вопроса о перевозе Семьи в Тобольск состоялось в присутствии князя. Но самый Ее отъезд имел место уже после его ухода из состава Правительства, что произошло в конце первой половины июля месяца по старому стилю. Поэтому, о самом перевозе Царской Семьи в Тобольск он точной информации не имел. Находясь в Тюмени вместе со своими коллегами по Союзу Николаем Сергеевичем Лопухиным и Александром Владимировичем Голицыным, он знал, что существует офицерская организация, имеющая целью увоз Царя из Тобольска. Ему было известно через своих людей в Земском Союзе, которые имели свои глаза и уши во всех городах, что офицеры, в целях разведки, находятся в Тобольске и в Тюмени, и в Омске, и в Троицке, и в Челябинске, являвшемся центральным пунктом организации. Симонову было рекомендовано в случае надобности в денежных средствах выйти на князя, который обладал таковыми, и получить необходимую сумму для проведения операции по освобождению Семьи и дальнейшему её сопровождению. Симонов получил информацию от своих коллег о положении Семьи в Тобольске.

В Тобольске, в котором в то время насчитывалось 20 тысяч человек, Царской Семье жилось хорошо. Там до сих пор управлял губернатор, и работала городская дума. Недостатка ни в чем у Нее не было, жили спокойно, никто их не трогал, ничем не докучал. Царь занимался физическим трудом; пилил дрова и много работал в саду и в огороде: развел образцовый огород. Помимо всего, Император принимал людей, которые прибывали в Тобольск из разных мест России. Так Симонов знал, что недавно у него побывал представитель из Крыма, а точнее из Ливадии. Он передал информацию от вдовствующей императрицы Марии Фёдоровны, которая в то время проживала там же. Император получал сводки с фронтов и имел полное

представление о действиях противоборствующих сторон. Для того, чтобы иметь возможность получать нужную разведывательную информацию о передвижении красногвардейских отрядов вдоль линии соприкосновения с отрядами белых, их количественном составе, вооружении и уровне подготовки, не говоря уже планировании и проведении войсковых операций штабс-капитану необходимо было либо завербовать кого – то из красных, либо самому устроится к ним на службу. В это время сплошной линии фронта не существовало. Сверхзадачей, которую поставил перед Симоновым полковник Гришин – Алмазов, было устройство на должность как минимум сотрудника штаба красногвардейских отрядов. И теперь капитан должен был предложить себя в качестве помощника большевиков, с учётом его военного опыта, на роль советника военного отдела.

На следующий день он явился в Горисполком и нашёл Хохрякова. Симонов решил играть по предлагаемым правилам. Он понял, что основную работу придётся вести ему, поскольку братва понимала всё по – своему. Со слов Хохрякова, он понял, что с гидрой контрреволюции бороться надо до упора, пока всех не перебьют. Симонов спросил у начальника военного отдела:

– Чем я смогу Вам помочь?

– Послушай капитан, будь проще. Мы тут, понимаешь, с контрой должны покончить. Нам нужны такие как ты. Ты в армии был, на фронте был, смотрю у тебя и Георгий есть. Ты вот что, бери командира отряда красной гвардии и давай с ним обсуди, браток, как отряд формировать будете. Рабочие у нас есть. Надо назначить им обучающего, само собой разумеется, из толковых ребят, те, кто был на фронте, и умеет обходиться с оружием. Ну, там собрать разобрать винтовку, пулемёт и пострелять из них по целям. Их надо будет обучить ходить строем. Одним словом, чего я тебе рассказываю, ты и сам всё понимаешь.

– Вы меня извините, господин Хохряков, мне бы бумагу, от Вас получить какую – никакую, о моей должности.

– Слушай, штабс-капитан, ты брось эти буржуйские штучки, господин, и прочее. Давай так, «товарищ». Он позвонил по телефону и позвал Авдеева. Через некоторое время в кабинет вошёл Авдеев.

– Привет!

– Привет! Вызывал? Что случилось?

– Рекомендую. Штабс-капитан Симонов. Прикрепляю к твоему отряду для контроля и обучения. У тебя там говорят, вообще не знают, как винтовку в руках держать.

– Да, это, правда. Ты знаешь, они и вправду ни хрена не знают. Винтовка, тут ещё, как ни шло. А вот пулемёт, это вопрос. Ну, просто ничего не понимают. Дело дрянь!

– Да, капитан, ты у нас теперь за военного советника, вроде как. Я тебе вот тут написал бумагу. – Сказал Хохряков, ставя печать. В бумаге значилось: Податель сего товарищ Симонов является законным представителем военного отдела Горисполкома г. Екатеринбурга и имеет право на передвижение по территории всех военных частей города для их инспекции.

– Доволен? Действуй. Паёк тебе оформят. Где живёшь, мы знаем. – Готовьте отряд. Город нельзя оставлять без охраны. Генерал Дутов наступает. С октября месяца нет связи с Москвой и Сибирью. Уже декабрь заканчивается, а она так и не восстановлена. Симонов подумал, что слишком быстро он получил назначение. От этого прохвоста можно ждать чего угодно. Он вышел в коридор. Хохряков попросил Авдеева остаться на минуту.

– Ты это, того, Авдеев, приглядывай за ним.

– Хохряков, без тебя знаю. Что ещё?

– Да нет. Всё. Иди.

– Ну, покедова. – Авдеев подошёл к Симонову, который стоял, оперевшись плечом о стену.

– Ну, что пошли знакомиться с воинством.

– Пойдёмте.

Они вышли на воздух. Погода была подходящая. На улице было минус 30. Солнце стояло над головой. Снег поскрипывал под ногами. Стекла окон домов сверкали на солнце своими зимними узорами. По улицам время от времени проезжали тройки лошадей. На санях сидели обутые в валенки и одетые в тулупы, с поднятыми воротниками мужики и бабы. Ехали с зимнего рождественского базара.

Воинство располагалось в бывшем особняке доктора Архипова. Это уже вошло в правило забирать более или менее хорошие дома в городе и располагать в них, на зло буржуйам, на постой свои военные отряды, состоявшие в основном из местных жителей, которые после революции уже нигде не работали и только жаждали расправы над буржуями. Занятия с ними никто не проводил, те, кто служил в армии, и понимали что такое служба, те не хотели служить. Свобода, как осознанная необходимость, стала для них главным, и ни о каком подчинении каким либо командирам, речи и не могло быть. Всё чем они могли заняться, от безделья, было потребление денатурата или самогона. Красногвардейский отряд представлял собой жалкое зрелище. Приходи и бери его голыми руками. Штабс-капитан Симонов решил для себя, что попытается показать свои знания этой публике, обучив её курсу молодого бойца, и таким образом, постарается завоевать доверие руководителей местных большевиков к себе.

Когда штабс-капитан поселился у Александры Петровны Филатовой, он не думал о том, что между ними вспыхнет любовь. Он был голубой крови, а она, из купеческих. Как-то, придя домой, после службы, он сидел за столом и ужинал, чем Бог послал. Она поставила ему большую тарелку борща, графинчик водки, зелень, хлеб, а на второе, она приготовила бифштекс с жареным картофелем. Сидя за столом, она смотрела на него, не отрываясь. И вдруг сказала:

– Вот смотрю я на Вас и думаю: почему у Вас такие синие глаза. Много я видела глаз, а такие, вижу впервые. В них ведь и утонуть можно.

Симонов подумал:

– Ну, вот. Этого мне только не хватало. А вслух сказал:

– Наверное, так Господу Богу было угодно.

– Неужели? А я вот думаю, что опасные они для нас женщин. Они меня завораживают. Душу бередают.

– Так выходит они Вам Александра Петровна, покоя не дают?

– Почему Вы капитан, не уехали за границу? – спросила Александра. – Что у Вас тут? Семья?

– Да нет у меня семьи. – Ответил Симонов. Я один. Жена у меня медсестрой была в Первую мировую погибла во время боя за крепость Перемышль в 1915 году. Детей у меня нет. А здесь по долгу. Сами знаете. Тут дело не простое. И пока я свой долг не выполню, я не могу отсюда уехать. Есть у меня на Юге в Батуми домик. Когда всё окончится я туда и перееду. И в шутку добавил:

– А что Александра, я один, Вы одна. Может, вместе там коротать век будем?

– Да ну, Вас. Тоже придумали. Какая я Вам пара? Мы из разных сословий. Вам, поди, дворянку подавай. А мне никак ей не стать.

– Почему же? Вы как раз и можете. Стать у Вас подходящая. Тем более я ведь знаю, что Вы окончили женскую гимназию. Умеете вышивать, рисовать, писать стихи.

Так, за вечерними беседами и проходили дни. Общение с этой женщиной приносило его душе отдохновение, после общения с представителями пролетариата.

На Рождество Христово, сразу после службы она пришла домой. Симонов, как полагаются, для советского работника не ходил в церковь, иначе товарищи заподозрят его в симпатиях к буржуйам, но уже был дома. В гостиной стояла украшенная ёлка. Она приготовила стол. Зажгли свечи. На улице уже давно стемнело. Гостей не ждали. Разговорились. Не спали всю ночь. Вспоминали прежнюю жизнь. Он вспомнил благотворительный бал в рождество 1914 года.

Она рассказывала Симонову, что как – то на вечер в реальное училище были приглашены девушки из женской гимназии, в том числе и она. В актовом зале сначала проводилась торжественная часть. Потом концерт. Ученики реального училища пели хором, соло, дуэтом, декламировали. Затем танцевали и проводили игры. Очень хорошо пел Николай, Коля Фаворитов. Он читал отрывок из поэмы «Полтава» Пушкина затем стихотворение в прозе Тургенева «Как хороши, как свежи были розы». На вечера выдавались именные пригласительные билеты. Ученики жили на квартирах. Приглашены были также Нина Боброва, Нина Паршукова, Зина Тихонова, Тоня Соколова. После концерта были танцы Нину Боброву пригласил сначала Коля, а потом Фёдора Гладких. Но Нина стала дружить с Фаворитовым. Да я помню, что потом случилось так, что отец Коли заметил, что у сына в дневнике подчищены некоторые отметки. За обман родителей и подлог Коля был жестоко высечен отцом. В отместку он решил утопиться и действительно бросился в прорубь на Исети. Его удалось вытащить из соседней проруби, в которую его прибило потоком подо льдом. Дома его согрели, обсушили и... снова выпороли, чтобы в другой раз правильно воспринимал критику. Коля потом поступил в Санкт – Петербургскую консерваторию на вокальный факультет, а Нина поступила в медицинское училище.

– Да. – Сказал Симонов.

– А я вот до войны закончил юридический факультет в Санкт – Петербурге. Кроме того, изучал языки. Бывал за границей. Родитель мой военным был. Мечтал, что и я пойду в армию. Но я избрал другой путь. Одно время служил в Министерстве иностранных дел. Был представителем в Германии в посольстве. Потом не задолго до войны меня отозвали. Послали учиться на спецкурсы. Я их закончил и стал военным разведчиком. Началась война. Я был прикомандирован как знающий Германию в Главный штаб при Верховном Главнокомандующем. После революции вернулся не надолго домой. Отец сказал мне: Георгий, твой прадед, дед и я по первому зову родины шли её защищать. Вот и настало время испытаний. Я, наверное, с матерью уеду в Париж, стар я стал. А ты, выбирай, где тебе быть. Вернулся я в Ставку в Могилёв. А тут такие события. Я решил для себя, что наступил крах всему. Власти нет. Все идеалы порушены. Что делать? И тут я встретил на своем пути полковника Гришина-Алмазова. Он и предложил мне принять участие в борьбе за Россию. Так я и попал сюда. Мне предстоит сделать многое. Не знаю, что нас ждёт впереди, но мне точно известно, что другого мне не дано. Вы знаете, меня всегда привлекала героическая фигура – образ Прометей титана, осчастливившего человечество, – он мне близок. Особенно это ярко образ этого героя иллюстрирует музыка Бетховена к балету «Творение Прометей». Симонов стал рассказывать:

– Вы помните, конечно, что согласно мифа,

разгневанный Зевс, преследует полубога Прометей за то, что тот похитил огонь с небес и даровал его людям, научив их ремеслам и искусствам. Прометей лепит из глины статуи мужчины и женщины и пытается одушевить их небесным огнем. Статуи оживают, но они лишены разума и чувства. Прометей пробует воздействовать на них уговорами, отцовской нежностью и, наконец, угрозами; но ожившие статуи остаются бесчувственными и неразумными. Прометей уносит их в жилище богов, на Парнас. Далее события происходят на Парнасе. Прометей приходит со своими творениями, прося богов вдохнуть в них разум, научить их знанию и искусству. Богиня музыки начинает играть. К ней присоединяются певец Орфей и бог Аполлон. Тогда в творениях Прометей пробуждаются чувства. Но тут выступает муза трагедии Мельпомена и разыгрывает перед изумленными созданиями трагическую сцену, после чего закалывает Прометей мечом. Бог природы Пан, сопровождаемый фавнами, возрождает убитого героя. Одухотворенные, получившие разум и чувство творения Прометей танцуют. Всё заканчивается всеобщим торжественным и радостным танцем. Рассказ о герое был окончен, и Александра спросила Симонова:

– Вы видимо имели высший бал по древней истории Греции. Но при чём здесь Россия?

– Россия и есть Прометей. Сегодня ей предстоят тяжёлые испытания, но потом она воспрянет и станет ещё более могучей.

Он встал и за-за стола и сел на диван. Александра подошла и села с ним рядом.

– Да, я вижу как Вам тяжело. Я постараюсь в силу своих слабых женских сил оказать Вам помощь. Он сказал ей:

– Спасибо, Вам дорогая Александра Петровна. Я Вас никогда не забуду. Не забуду Вашу доброту и внимание ко мне, Ваше участие в моей не простой работе.

Он тяжело вздохнул. Она приблизилась к нему.

– Мне о вас рассказал дальний родственник. Он просил принять участие в работе. Я, так сказать, заочно знала о Вас. И часто представляла себе, какой Вы. Ну, а теперь я уже узнала Вас.

Всё вышло само собой. Он привлёк её к себе. Она гладила его по голове, по скулам. Провела пальцем по губам. Затем расстегнула его одежду. Горячие пальцы её гладили его грудь и плечи. Щекой она коснулась его щеки, а руки её продолжали освобождать его тело от одежды. Георгий чувствовал её горячие поцелуи по всему телу. Она, продолжая целовать его грудь, живот, опускалась всё ниже и ниже. Александра прильнула к нему всем своим телом. Жаркая волна пробежала по всему телу Георгия. Она, влекомая той же волной, скользила душистыми волосами по его телу и покрывало его горячими поцелуями, шепотом произносила ласковые слова. В какое – то мгновение она взяла инициативу на себя, мягко опустившись на его тело и медленно начала ускорять свои движения. Вскоре эти движения превратились в сумасшедший темп. Георгию казалось, что он то погружается в бездну, то взлетает в небеса. Александра оказалась очень опытной в любви. Георгий испытывал необыкновенные чувства. Он взлетел на вершину сладострастия и, наконец, ослепляющий, всепоглощающий свет заполнил всю его плоть, прошел через позвоночник, рассыпавшись на неисчислимое количество ярких молний. Счастливые и изнеможённые предыдущей гонкой, они лежали, касаясь друг друга разгорячёнными телами и молчали. Александра коснулась губами его щеки. Он ощутил её нежное дыхание и почувствовал, как новая волна заполняет его сущность – огромное, неожиданное. Он овладел ей, как внезапный порыв штормового ветра, который опрокидывает парусную лодку, возникнув в одно мгновение в воздухе перед бурей, сметая всё, что ему встречается на своём пути. Затем они снова лежали рядом и долго, долго говорили... Он вспоминал довоенную жизнь, катание на льду Невы, белый снег, рождественские огни ёлок. Она рассказывала о катании на тройках в рождественские каникулы у дач города Шадринска. Как быстро промчалась молодость. Так прошла ночь. Утром Георгий, позавтракав, отправился проверять состояние дел в военном отделе. Для большевиков этот праздник уже не существовал. Хотя, по-прежнему, все они отмечали его. Только не в церкви, а пили по кабакам и гордились тем, что они имеют на это право. Для Георгия, таким образом, праздника тоже уже не существовало. Он должен был соответствовать своей должности, которую он получил в Горисполкоме. За ним всё время приглядывали люди, приставленные к нему Хохряковым. Он должен быть на чеку. Надо было многое успеть до начала основных событий. И вскоре они начались. Шёл 1918 год.

ГЛАВА III. РАБОТА БЕЛОЙ РАЗВЕДКИ В ЕКАТЕРИНБУРГЕ

Полковник Гришин – Алмазов давно работал в направлении поиска человека, через которого уходят данные к красным из Омска, можно сказать, из Главной штаб-квартиры Сибирской армии. К тому же из Екатеринбурга прибыл штабс-капитан Обыденков Виктор Иннокентиевич, который имел сведения о лазутчике. Прежде чем Обыденков попал в Екатеринбург и встретился с Симоновым, он какое-то время жил в Москве, потом в Перми, Тюмени и, наконец, Екатеринбург. Он окончил военное училище, был на фронте. Получил Георгия и звание штабс-капитана.

При формировании службы требовалась тщательно подходить к подбору кадров. А тем более к засылке за линию фронта людей. Они ведь могли и не вернуться. Рядом был враг. Но кто он? Всю ночь он просидел над документами. Уже под утро в кабинете Гришин – Алмазов внимательно, который раз рассматривал и перечитывал письмо, которое им удалось перехватить у связника красных. К сожалению, тот покончил с собой. Он поднес письмо к окну, поближе к свету.

– Точно, – сказал он сам себе, – этот почерк мне знаком. Затем он, достал журнал, в котором отмечались дежурные офицеры контрразведки, и сравнил письмо с записями в журнале. Проведя пальцами по векам уставших глаз, закрыл журнал, резко встал.

– Господин, штабс-капитан, Виктор Иннокентиевич, прошу Вас, возьмите наряд и арестуйте штабс-капитана Соловьёва.

Его арестовали дома. Он не успел оказать никакого сопротивления. В последнее время он часто бывал в большом подпитии. И вот и сейчас, когда за ним пришли, он был в нетрезвом состоянии, и это облегчило решение задачи. Его доставили в контрразведку и стали задавать вопросы, предъявив искомое письмо.

Соловьёв уже очухался. Он стоял, покачиваясь между двух солдат, и из подлобья косился на Обыденкова.

– Ничего от меня не услышите, – заорал он на повышенных нотах.

– Скажете уважаемый, скажете, – в голосе Гришина-Алмазова Обыденков услышал металлические нотки.

– Посидите сутки в камере без еды, без света – все скажете. Соловьёв что-то прошипел. Видимо ругался.

– Вас ведь, Соловьёв давно приучили к сладкой жизни, ведь ещё в Швейцарии большевики купили Вас, и Вы здорово нажились на их партийной кассе. Документы у нас в наличии и мы их передадим, как подобает в ЧК. Песенка ваша спета. Советую вам, рассказывайте всё. Вы ведь русский человек и христианин, дворянского происхождения... Уведите его! – обратился он к солдатам. – Да как следует обыскать, чтобы никаких документов не съел!

Солдаты с Соловьёвым двинулись к двери, но на пути у них стоял Обыденков.

– Моя бы воля, – сказал он Соловьёву, – я бы тебя к стенке поставил, но господин полковник гуманист, на такое не пойдет. А так бы быстрее дело вышло...

– Мало я тебя на допросе бил, – простонал Соловьёв. – Нужно было вообще изуродовать.

– Головой отвечаете, если арестованный сбежит или что в камере над собой сделает. Ремень у него отобрать, шнурки от ботинок и все такое прочее. Если что не так – вам достанется по первое число...

– Слушаюсь, ваше благородие! – рывкнули конвойные, посмотрев на полковника. Тот молча кивнул, подтверждая слова Обыденкова. – Однако проговорил он, – когда солдаты увели

Соловьёва, – уважаемый, слово надо держать. Если что не так, придется вам с этими солдатиком разбираться.

– Бросьте, полковник, эти интеллигентские штучки, – раздосадовано сказал Обыденков. – Это Вам нужно быстрее с этим разбираться, а не то красные нас опередят. Под угрозой выполнение операции «Ковчег».

– Не думаю, – невозмутимо ответил Гришин – Алмазов, – что Соловьёв протянет сутки, он жрать захочет и пить и вечером мы сможем задать ему все интересующие нас вопросы.

Кабинет Гришина-Алмазова опустел, Обыденков остался с глазу на глаз с Иваном Ивановичем. Он ждал, что скажет полковник, а тот подошёл к окну и стал смотреть куда – то вдаль. «Что он там ищет? – Думал про себя Обыденков. Затем он подошёл к карте боевых действий. Наконец, прервав затянувшееся молчание, Гришин – Алмазов заговорил:

– Открытое письмо, которое вы привезли – это, выражаясь юридическим языком – косвенная улика. Строго говоря, она ничего не доказывает. Да, почерк, безусловно, Соловьёва, но содержание нам ничего не говорит. Возможно, и, правда, какой-то агент прибыл, а потом был убит. Я думаю, что это был Померанцев. Впрочем, с Соловьёвым это проще, чем с кем-нибудь другим. Он не выдержит.

Он же видел, как контрразведка обрабатывает тех, кто не говорит правды.

Обыденков рвался в бой. Как никак Померанцев был его коллегой. Ему хотелось поскорее допросить штабс-капитана Соловьёва, выяснить, как и зачем он убил Померанцева и куда он дел материал, который тот вёз из Москвы от «Правого центра» через Екатеринбург. Отчёт о работе с агентами. Часть этих агентов перешло на работу в район Екатеринбурга и сейчас, во что бы то ни стало, надо было упредить действия красных по их разоблачению.

– Уважаемый Виктор Иннокентиевич, я вижу, что Вы готовы приступить к допросам. Но скажу вам вот что: институт контрразведки получил широкое применение. Контрразведку создают у себя не только высшие штабы, но каждая воинская часть. Сплошные провокации, да вот и мы с вами – нашли предателя в контрразведке. Упразднить весь институт, оставив власть слепой и беззащитной в атмосфере, насыщенной шпионством, брожением, изменой, большевистской агитацией и организованной работой по разложению? Вы же знаете, уважаемый Виктор Иннокентиевич, что законодательство не предусматривает составление судебным следователем какого-либо итогового документа по собранным им материалам. Заключение о предании обвиняемого суду излагается в форме обвинительного акта прокурором окружного суда (в соответствии с определенной подсудностью преступлений). А Устав уголовного судопроизводства“ помимо нескольких конкретных случаев, допускает составление следователем особых постановлений „лишь тогда, когда это необходимо для объяснения хода следствия или распоряжения следователя.

К тому же, следователь может начать и вести следствие, арестовать и привлекать обвиняемого к следствию, освобождать от ответственности, пояснять расследование и свои действия. Но не имеет права давать оценку собранным доказательствам и формулировать окончательные выводы.

Наша система дознания это сеть нештатных осведомителей и штатных секретных агентов собирает любую информацию по интересующему вопросу. Официальные инспектора и агенты угрозыска составляют по ней сводные рапорта и докладывают следователю. Тот или вызывает очевидцев к себе, или поручает их допрос начальнику угрозыска и затем оценивает протокол. Чины дознания сами не могут судить о важности или ненужности информации. Поэтому их протоколы нередко подробнее и полнее, чем у следователя. Разумеется, к следователю приходят по объявлению или собственному почину доброхоты-очевидцы. Какие-то материалы могли догадаться прислать ему следственные и прочие комиссии. Иные попадают случайно в поле зрения судебных прокуроров и уже те докладывают по инстанции, а бумаги поступают к следователю после многодневного путешествия по соседним канцелярским столам.

Следователь составляет списки интересующих его людей и направляет их в угрозыск сам, а военным властям – через прокурора суда. Инициативу в даче поручений могут проявлять прокурор и его заместители. В целом, эта система не всегда эффективна.

Низовое звено чинов дознания, за небольшим исключением, составляют люди, приученные не критически принимать и фиксировать любые сведения. С одинаковым усердием или равнодушием записывают они факты и слухи, добавляя к ним иной раз толику собственных домыслов – для оправдания расходов якобы на секретную агентуру. В условиях гражданской войны первичный опрос может стать и последним перед расстрелом свидетеля. Просчеты дознания уже не исправляются. Но и в других случаях следователю сложно не отбросить что-либо существенное вместе с беспочвенными слухами или оценить нюанс одной важной детали среди множества ненужных.

Нам необходимо Обыденов, изменить материал, комплекующий контрразведку. Скажу вам, что надо привлечь на эту службу бывший жандармский корпус, чинов судебного ведомства и т. д. У нас, как Вы заявили, одна сверхзадача – не провалить операцию «Ковчег», для этого нам нужно допросить Соловьёва...

– Да, Виктор Иннокентиевич, нам прислали бумагу из Берлина от агентуры о некоем Маркове. Я предлагаю попытаться использовать его как агента по линии эстафеты. Прочитайте, и скажите, что Вы думаете об этом. Сообщение поступило от агента, который давно работал в Берлине. Оно касалось Бориса Владимировича Свистунова, 36 лет, дворянина. Он был офицером Генерального Штаба, полковником участвовал в Первой мировой в качестве старшим адъютантом штаба 56 дивизии, а затем помощником старшего адъютанта штаба Особой Армии.

– Господин полковник, привлечь Маркова очень проблематично. Очевидно, он не рассказал полковнику Свистунову, что сидел в тюрьме в г. Тюмени. Но ведь и князь Львов находился в тюрьме в Тюмени. Значит, они сидели вместе. Потом Марков был освобождён без последствий для него. Его освобождение произошло раньше, чем освобождение князя Львова. Господин полковник, из этого документа становится ясно, что офицер Марков связан с немцами. Их Красный крест имеет представителей в г. Екатеринбурге. Если ему поручить работу по доставке информации, как разъездному агенту, по эстафете, то надо давать минимум. Пусть он курсирует между городами Томск, Омск, Челябинск, Екатеринбург, Курган.

– А что, Виктор Иннокентиевич, это мысль. Надо подумать. Ну, во – первых мы его найдём. Я думаю, он не откажется от работы. Ну, а если откажется, не велика беда. Но я думаю, что это будет в его интересах. Надо проверить его связи. В это время раздался звонок телефона. Это звонили из тюрьмы и сказали, что Соловьёв проситься на допрос. Гришин – Алмазов посмотрел на тумбовые часы.

Поехали в тюрьму, – сказал полковник. Подали машину. В углу камеры сидел Соловьёв. Когда вошли офицеры, он вдруг спросил:

– Господин полковник меня расстреляют?

Он смотрел на вошедших, одновременно с ужасом и мольбой.

– Господин штабс-капитан, возьмите себя в руки, сумели нарушить присягу сумеете и отвечать! Нам необходимы ваши показания.

Гришин – Алмазов произнес:

– Немедленно возьмите себя в руки! Дайте показания о вашем предательстве, о работе на красных, об убийстве Померанцева, – а там посмотрим!

Соловьёв, глядя ему в глаза затараторил:

– Завербован, деньги нужны были, мать померала. Это ещё в Москве было. Я был проездом в Екатеринбурге, ну, вот и помог мне один хороший человек. А потом начал меня шантажировать.

– Кто этот человек? – спросил Обыденов.

– Это чекист Родзинский...

Гришин-Алмазов подал знак рукой писарю Зверобоеву. Тот быстро записывал показания Соловьёва.

Соловьёв с обречённостью человека, у которого не было иного выхода, кроме как в петлю рассказывал о том, как передавал сведения о количестве и оснащённости Сибирских корпусов, о контактах командования с американцами и японцами. Он подробно описывал свои встречи с Родзинским, через его агента Никулина в Академии Генштаба в Екатеринбурге, а также на железнодорожном вокзале, когда он ездил туда по заданию полковника на встречу с местными агентами Сибирского войска. Гришин – Алмазов внимательно слушал его. Обыденов также слушал, что называется в оба уха. Писарь записывал слово в слово. Наконец Соловьёв замолк, будто из него вышел весь дух.

Обыденов спросил:

– Ты про убийство своего товарища Померанцева почему не рассказал? Рассказывай, сволочь, как связного убивал и куда дел список нашей агентуры?

Соловьёв объявил, что это не он.

– А я его не убивал, Христом Богом клянусь.

– Хватит врать-то! – зло крикнул Обыденов, – Божьим именем прикрываешься, в аду за это гореть будешь!

– Клянусь, ваше высокоблагородие, – еле слышно произнес Соловьёв бледными до синевы губами, – Родзинский дал мне знать о приезде связного, но я узнал об этом, только, когда информация пришла в контрразведку. Если бы красные знали об этом в Екатеринбурге, они бы его там и взяли тёпленьким. Мне было сказано, чтобы я его ликвидировал. Но со мной были офицеры, спросите, у них ваше высокоблагородие...

Обыденов обратился к полковнику, когда они вернулись в кабинет:

– Господин полковник, значит, Померанцева убрал кто – то другой, поскольку связь не была нарушена. Вы ему верите?

– Думаю, что убрали Померанцева какие-то бандиты или барыги. Случай. В поездах кто только сегодня не ездит.

– Видите ли, в чем дело, уважаемый Виктор Иннокентиевич, позвольте Вам сообщить, что дежурный офицер никогда не остается один, при нем всегда находятся солдаты караула...

Аркадий Петрович кивнул и продолжил:

– Я уверен, что не было у него возможности, то есть Соловьёв, не врет.

– Стало быть, он прибыл не поездом. – Задумчиво сказал Обыденов.

– Было уклончивое сообщение «Правого центра», 17 марта 1918 г., что якобы прибывает агент, но кто и когда – мы не знали, поэтому и Соловьёв выследил Померанцева не сразу.

– Значит, 20 марта он сел на поезд в Москве, и через двое суток был в Екатеринбурге.

– Через четыре дня в понедельник, – подхватил Гришин – Алмазов, – надо принять во внимание, что это не мирное время, затем отправляется в Омск, а потом сразу же – обратно, то есть в Москву он прибывает через две недели.

– Он и прибыл, – продолжал Гришин – Алмазов, – в Екатеринбург и поселился в гостиницу. У него в городе никого нет. Поезжайте в Екатеринбург и свяжитесь с нашей агентурой. Поищите какие-нибудь следы Померанцева, возможно, его кто-нибудь вспомнит. Выясните, куда он мог направиться после прибытия, что делал потом. Попробуйте восстановить весь его путь. Что-то подсказывает мне, что, если мы сумеем узнать, что делал Померанцев в течение суток со второго по третье апреля, то сможем и найти его убийцу. Через нашего резидента проверьте данные о Соловьёве. Найдите штабс-капитана Седова, он недавно вернулся из Тобольска, и опросите его, что он знает о Соловьёве.

На следующее утро он был уже в поезде Омск – Екатеринбург – Москва.

Транссибирский экспресс прибыл в Екатеринбург, как всегда, ранним утром. На плоских крышах вагонов темнели сырые пятна, стекла окон были грязными, а на подножках чернела натасканная пассажирами грязь. Скорее всего, там, откуда прибыл поезд, в Сибири, в Тюмени шли дожди.

Пока поезд высыхал под взошедшим солнцем, красногвардейские патрули проверяли документы у прибывших пассажиров.

Людей сегодня было много; бывшие офицеры и солдаты – отпускники, сбежавшие с Западного фронта, юноши и девушки, пробирающиеся в Москву, где можно было попытать счастье выехать на Украину и оттуда в Европу. Большая группа бывших пленных венгров, следующая из промёрзлой Сибири к себе на родину, китайцы, торговые представители разных стран, дипломаты, предпочитающие поезд пароходу, и, наконец, просто путешественники, журналисты. К числу последних принадлежали – высокий, сухопарый тридцатилетний здоровяк. Обыденнов спокойно стоял на перроне дымил папиросой, скучающе поглядывая по сторонам и на то, как проверяли его документы. У него был немецкий паспорт. Так было задумано наверху ещё генералом Батюшиным в 1915 году. Тогда он вызвал его к себе в кабинет, после встречи с Государём и дал ему задание, которое теперь предстояло выполнить. В течение всей этой процедуры он не посмотрел ни на одного из них. Они для него просто не существовали.

Документы его, не вызвали никакого подозрения. В Екатеринбурге уже имелись консульские миссии Франции. США и представительства Красного Креста Германии, Франции. А он и должен был освещать, так сказать с позиции прессы, всё происходившее здесь. Остановившись в местной гостинице, в номере, для заграничных путешественников, расположился в удобном номере, принял душ, побрился, переделся. Свежий румянец на его свежевыбритых щеках говорил о том, что человек хорошо отдохнул и всем доволен в этой не простой жизни. Ни на кого не глядя, и ничего не замечая, он прошел в ресторан. Ему подали яичницу с ветчиной, водку, хлеб, чай. Он ел и пил не спеша, не отрывая взгляда от тарелки, Расплачиваясь с официантом, он спросил на плохом русском, можно ли купить в Екатеринбурге немецко – русский словарь. Официант знал по-немецки только два слова: «не понимаю». Виктор написал ему на салфетке с ошибками на русском языке. Официант прочитал и пояснил:

– Да, в Екатеринбурге есть замечательный магазин, где до недавнего времени можно было купить и немецко – русский словарь и много других хороших книг. Но вот война пришла и теперь не известно есть ли они эти словари. А магазин находится совсем недалеко, в двух минутах ходьбы от гостиницы, на Сибирском проспекте. Вот он, виден даже отсюда: три витрины, высокая кованная железная дверь и над ней скромная красная вывеска с маленькими буквами: «Книги».

Обыденнов, бросил рассеянный взгляд в окно, в ту сторону, где располагался книжный магазин, быстро всунул папиросу в рот и медленно поднялся. Прежде чем уйти из ресторана, он задал еще один вопрос: где можно найти госпиталь? Официант дал иностранцу и эту справку.

Так же, ни на кого не глядя, ничего не замечая, холодный надменный, немец покинул ресторан, спустился вниз, пересек вестибюль и вышел на Сенную площадь с ее людским гомоном, и зеленеющими деревьями.

Виктор направился к магазину с высокими кованными железными дверями и тремя витринами, заставленными книгами.

В большом помещении магазина на многочисленных полках стояло около тысячи книг.

– О! – воскликнул путешественник по-немецки. – Куда я попал? Ваш магазин чуть ли не Берлинская библиотека?

Человек в черном костюме, в белой свежей рубашке, повязанной скромным темным галстуком, приветливо поздоровавшись, сказал на хорошем немецком языке:

– Нам, конечно, далеко до Берлинской библиотеки. Но даже такое количество книг имеет для екатеринбургских трудящихся большее значение, чем миллионы томов Берлинской библиотеки для трудящихся Берлина.

– Вы не только продавец, но и большевик – агитатор? – улыбнулся Обыденов. Это была его привычная улыбка, которая сопровождала любой его разговор.

– Есть у вас немецко – русский словарь последнего издания?

– Пожалуйста, прошу вас. – Человек в черном костюме достал с полки толстую книгу в темно – жёлтом переплёте и положил ее перед покупателем.

– Да, это то, что мне необходимо в России, – с явным удовольствием сказал Обыденов.

Он открыл словарь и стал рассматривать его первую страницу, полистал и вернул книгу. Уходя, он пожал ему руку и сказал полушутя:

– Благодарю вас, господин агитатор. – И тут же произнес шепотом:

– Привет от «Бати»..

– «Батя»? Человек, стоявший за прилавком, был почти спокоен. Сам генерал Батюшин передает ему привет. Вспомнил, наконец! Сколько лет молчали. «Батя» был крестным Караулова. Прошло пять лет. Он начинал когда – то простым прапорщиком. Представители Батюшина долго изучали его, потом предложили работу. Караулов был рядовым агентом, и теперь рядовой. А Батюшин, говорили, стал важной персоной, чуть ли не первым лицом в штабе заграничной разведки. Чего он вспомнил о Караулове? Значит, что-то произошло.

Владимир Караулов впервые же годы после того, как Советы установили свою власть в центре России, оказал немало ценных услуг своим хозяевам. Все добытые сведения он передавал резиденту Померанцеву, а тот пересылал их дальше. Караулов имел контакт только с Померанцевым. Недавно ему стало известно из газеты, что Померанцев расстрелян, как ярый враг Советской власти. Караулов был уверен, что резидент попал в руки большевиков не случайно: кто-то предал. В первые дни после его гибели Караулов был в панике от неожиданно полученной информации. Но боятся ему, было нечего. Его не выдали. А мертвый – и тем более не выдаст. Но прошло несколько недель, и Караулов затосковал без Померанцева, без его денег. Он привык за счет тайного заработка украшать свою жизнь. Не раз скорбел Караулов об утраченной статье дохода. И вот она опять замаячила перед ним в этом приветом от «Бати». Неужели только привет? Так мало? Нет, должно быть еще кое-что. А может, что – то страшное предстоит сделать?

Чуть-чуть побледнев, с каплями пота на аккуратно зачесанных седеющих висках, Караулов с надеждой и страхом смотрел в спину приехавшего иностранца. Неужели он ничего больше не скажет ему?

Обыденов, не спеша, продвигался к выходу, не интересуясь переживаниями одного из доверенных ему агентов «Бати». Он уже взялся за железную ручку двери, и уже занес ногу, чтобы, переступить через порог магазина, и вдруг неожиданно повернулся, и пошел назад.

– Скажите, – сказал он, – этот экземпляр, что я сейчас держал в руках, у Вас представлен только Мюнхенским издательством или имеются и другие издания?

Извиняясь и растерянно суетясь, Караулов нашел другой экземпляр словаря, понравившийся, наконец, брезгливому покупателю.

Просмотрев другой экземпляр, изданный в Берлине и передавая словарь продавцу, Обыденов шепнул: «Посмотрите «1868». Он оставил в нем закладку. Караулов в мгновение ока отправил его под прилавок. Покупатель стоял спиной к помощнице продавца, закрывая собой продавца, и она ничего не могла увидеть.

– Ну, что же спасибо я теперь знаю, что у Вас можно будет приобрести нужные мне книги. К сожалению, сегодня этого не стану делать, так как с этим надо познакомиться поподробнее, а у меня просто сегодня цейтнот, дела, понимаете ли, образовались. Я не привык на скорую руку делать покупки, – сказал Обыденов.

– До свидания.

Проходя мимо помощницы, он приподнял кепи, и поклонился ей...

Часом позже Обыденов, выполнявший функции связника разведцентра «Урал», встретился и со вторым агентом – «Гомоновым». И первое, и второе задание «Бати» он выполнил одинаково старательно, принимая все меры предосторожности и маскировки. Он не знал того, что первый агент назначался екатеринбургским резидентом всерьез, а второй лишь фиктивно, для отвода глаз. В операции «Ковчег» сомнительный агент «Гомонов» так и значился: приманка. Ничего другого от него и не ждали. Пусть привлечет на какое-то время к себе пристальное внимание советских органов власти. Впоследствии они, наверно, поймут свою ошибку, но уже будет поздно: операция «Ковчег» будет завершена. Так рассуждал «Батя».

...Едва закрылась за иностранцем дверь книжного магазина, помощница выбежала к своему директору. Он охотно удовлетворил ее любопытство, но рассказал ей, разумеется, далеко не все то, о чем говорил с покупателем.

Помощница успокоилась. Выждав немного, Караулов достал немецко – русский словарь, аккуратно, почти незаметно положил в карман, оставленную связником закладку.

Вечером, вернувшись домой, он задернул на окне плотную занавеску, потом он извлек из потайного места флакон с прозрачной жидкостью, бережно проявил то, что было начертано на закладке. Расшифрованная Карауловым инструкция была немногословной. Агенту № «105», имеющему кличку «Багратион», предписывалось в самом срочном порядке возобновить прерванную работу, но уже не в качестве рядового агента, каким он был раньше, а екатеринбургского резидента. Тайное письмо заканчивалось следующими словами: «В ближайшее время к вам явится «Закалённый». Обеспечьте ему в вашем доме надежное убежище. Выполняйте все его указания, «Батя». Это мог быть и Гладких или сам Обыденов. «Кто их разберёт», – думал про себя Караулов.

Владимир Караулов несколько раз перечитывал инструкцию. Резидент! Столь значительное повышение взволновало его. Как это надо понимать? Почему его долго держали в консервации, почему теперь, когда меньше всего можно было рассчитывать на задание от «Бати», он выдвигается в резиденты? Может, его испытали, и, наконец, нашли достойным такого доверия? Или на него пал выбор лишь потому, что нет сейчас в Екатеринбурге достойных людей, и образовался вакуум? Владимир Караулов за время работы под началом людей «Бати» много раз удостоверивался, что наивно ждать от хозяина высокой справедливости. Пока даешь ценные сведения, добытые с риском для жизни, ты нужен, получай деньги. Пока не попался, пока на твой след не напала разведка противника, пока ты безопасен для существования резидента, тебя оберегают и опекают твои тайные друзья. И они же, отправят тебя на тот свет, если провалишься. Значит, здраво рассуждая, повышение в резиденты не знак особого доверия к нему, Владимиру Караулову, а необходимость, вызванная гибелью Померанцева. А, может быть, это связано с прибытием Императорской Семьи? Нет, лучше не гадать.

Как бы там ни было, «Багратион» был рад, что объявился «Батя», что снова сможет зарабатывать на своё будущее. Новое положение сулило ему большие выгоды. Еще бы, резидент! Владимир Караулов как старый агент, особо приближенный Померанцева, отлично знал круг обязанностей резидента. Только резидент точно знает, кому он служит и, где находятся его хозяева. Только он получает инструкции, пересланные из центра специальным связником или по эстафете. Резидент вербует агентов, инструктирует их и по своему усмотрению оплачивает их услуги. Резидент заботится о том, чтобы они не знали друг друга, жили скромно, не привлекая к себе лишнего внимания и не вызывая подозрений. Резидент убирает со своей дороги тех, кто становится опасным для его, резидента, существования. Он, резидент, обучает завербованных всему тому, чему в свое время обучили его: выуживать у болтунов интересные сведения, подслушивать секреты, воровать плохо лежащие документы. В тайниках резидента хранятся: оружие, сильно действующие яды, крупные суммы денег, симпатические чернила, набор

инструментов и материалов, с помощью которых можно сделать, в случае надобности паспорт, служебное удостоверение. Резидент создает конспиративную квартиру – укрытие для тех, кто будет переброшен из-за линии фронта, и для тех, кого надо отправить за линию фронта. Только резидент нацеливает своих агентов на тот или иной важный объект.

Наиболее трудная и опасная сторона «деятельности» резидента – вербовка агентуры. Провалишься на первом же человеке, если твой шеф в свое время не обучил тебя определять слабости людей и не выковал из тебя «ловца человеческих душ». Атакуй избранных тобой наверняка, побеждай всякий раз. Неудавшаяся атака – твоя гибель.

Последние ночи пред этой встречей он плохо спал. Однажды ночью проснувшись среди кошмара, от которого он никак не мог очнуться, но о котором впоследствии ничего не мог вспомнить, сел на кровати в полной темноте, подавленный, весь в холодном поту, с ощущением смертельной тоски, какой доселе никогда не испытывал. Он знал, что ему необходимо что – то сделать, но он не помнил, что именно он должен сделать, и растерянно шарил руками вокруг себя. Он испытывал почти такое же мучительное ощущение, какое пережил в восьмилетнем возрасте, когда болел ангиной, и ему как-то ночью казалось, что потолок медленно опускается на него, а его матрац поднимается навстречу потолку. Он силился сбросить с себя оцепенение и сделать то, что ему приказали, ибо не был против них, что бы они там ни думали. Вдруг его рука коснулась чего-то гладкого и холодного. Он бессознательно искал у изголовья, с той стороны, где стоял ночной столик, выключатель электрической лампы. Раздался грохот: что-то опрокинулось, и поднос с бутылкой минеральной воды и стаканом полетели на пол. Он никак не мог найти ни электрической лампочки, ни выключателя. Ночной столик, должно быть, немного отодвинули, позднее он постарался выяснить, почему это случилось, а пока что испытывал лишь непреодолимое желание немедленно действовать. Должно быть, он слишком перегнулся, ибо, как сноп, свалился с кровати на пол. Поза, в которой он очутился, была не менее нелепой. Обнаружив на ощупь мокрые осколки стекла, он решил, что на его руку неизвестно откуда льется кровь. Напрасно он старался подняться, ему никак не удавалось этого сделать, и, выбившись из сил, в полном отчаянии, движимый инстинктом младенца в колыбели, он закричал. На его крик никто не прибежал. Он включил электричество и с минуту сидел как вкопанный, с ужасом думая, что он начал сходить с ума. Тут он вспомнил вдруг о своей первой любви. Это было в 1916 году. Он влюбился в девушку из дворянской семьи, которая проживала в Петрограде. Звали её Натали. В эти весенние дни Владимир Караулов молодой прапорщик познакомился с девушкой на одном из вечеров, посвящённых очередному выпуску офицеров. Он много бродил по улицам и садам города со своей новой подругой, она была хороша собой, её душевная чистота и пламенное преклонение перед всем высоким, её безошибочное чутье в вопросах искусства и страстная любовь к музыке, проницательный ум и художественный талант делали ее необычайно привлекательной. Он был страстно влюблен в Натали, и очарование столь молодого существа было слишком сильно, и она увлекла его восприимчивую натуру. В общении с ней Владимир находил покой, питательную среду для своих мыслей, удовлетворение потребности в философских беседах и, наконец, радость встреч с молодой, возвышенно настроенной безгранично поклонявшейся ему женщиной. Уже потом, будучи на фронте он писал ей. Но она не дождалась его. Вышла за другого. Она получила весточку, после его ранения, что он умер в госпитале. Письма он хранил много лет. Он перечитывал их помногу раз. Но та жизнь из него не уходила. И вновь он приступил к их чтению. Это отвлекло его от кошмара. 14 апреля 1916 года.

«Дорогая моя Натали, весна этого года – самая прекрасная, – это я говорю и чувствую, – так как я познакомился с Вами. . . Я был Вами застигнут в момент, когда мною всецело владело отчаяние; но оно исчезло, благодаря Вашему взору. Я умирал от одиночества. Но вот явились Вы. Я сразу понял, что Вы – «из другого Мира, не из этого абсурдного, который чужд мне. Милая Натали, милая девушка! Война! – Я жив только благодаря Вам моя великая богиня?»

Как Вы дороги мне. К сожалению, жизнь отвела мало времени для общения. Но я вспоминаю те недолгие часы, дни, когда мы вместе болтали или гуляли; я сохранил об этом самые лучшие воспоминания. С тех пор, как я уехал, я пережил досадные часы, мрачные часы, когда нельзя ничего сделать. Я всё время на передовой, вокруг смерть, боль и Вы как ангел для меня, который пленил меня и ведёт меня по жизни. Простите меня, милая Натали за это отклонение от темы, но я должен позволить себе это сделать, чтобы дать отдохнуть своему сердцу» Второе письмо он читал уже более спокойнее. «...Все лето я перечитывал Ваше первое письмо, и оно часто делало меня счастливым. Если я Вам пишу не особенно часто, и Вы ничего от меня не получаете, то я пишу Вам мысленно. Я могу себе представить и без Ваших строк, как Вы живете в Петрограде. Если не дождётесь меня, то выходите замуж, милая Натали, или уже вышли, а я Вас и не увидел. Желаю Вам счастья!... Сегодня я после атаки в 15 часов остался в живых... Ну, прощайте, милая Натали. Я целую Вас и все мои мысли о Вас. Пишите мне чаще!» Он прекратил чтение, положил письма в ящик столика и лёг.

Утром он вызвал доктора. Доктор, у которого он консультировался, а это был доктор Деревенько, обслуживал госпиталь на станции Екатеринбург II, объяснил ему, что это может случиться с каждым, и в любом возрасте. Доктор высказал мысль, что, вероятно, кошмар его мучил из-за судороги его ноги, которую он недавно повредил в лесу во время прогулки или плохой циркуляции крови. Доктор прописал Владимиру Караулову успокоительные и посоветовал чаще бывать на свежем воздухе. А познакомила Караулова с доктором, начальник госпиталя, Голубева Татьяна Ивановна.

После встречи с Обыденовым, Владимир Караулов мысленно привыкал к своему новому положению, всю время размышлял, рассчитывал, как, когда и с чего именно ему начинать. Владимир, прежде всего, решил подвести прочный фундамент для своей работы. Он стал искать себе надежных помощников, способных принести существенную пользу «Бате». Перебрав добрую сотню своих екатеринбургских знакомых, друзей и приятелей, новый резидент остановился пока на одной личности, широко известной коренным жителям Екатеринбурга, – на Татьяне Голубевой. Голубева была начальником госпиталя. У Караулова были данные, что она имеет влияние на Голощёкина секретаря Уралоблсовета и что он её, чуть ли не сделал кассиром своей партийной кассы. Родилась Голубева на берегу Тобола, в Тюмени, в семье купца. Раннее детство провела в городе Тюмени. Училась в Берлине. Замуж вышла за Юрия Гуляева и родила ему сына Павла в Екатеринбурге, но фамилии мужа не взяла. Обучаясь за границей, она разъезжала на отцовские денежки по Европе. Она подолгу проживала в Румынии, Чехии, общалась в основном, с фармацевтами. Татьяна Ивановна Голубева свободно могла общаться на румынском, немецком, чешском, быстро усвоила их привычки, переняла вкусы. Попади она на румынскую территорию, она была бы румынкой. В Праге и Берлине, она и вовсе могла свободно осесть и жить. Но теперь она проживала в Екатеринбурге.

Татьяну хорошо знали в городе все медики и фармацевты, кто хотел быстро получить дефицитные лекарства, особенно в это кошмарное время. Татьяна Ивановна была фармацевтом и, кроме того, могла подействовать в любой другом деле, в том числе, купле и продаже. Она впитывала все городские новости и сплетни. Она же изучала их по всем направлениям.

Вот эту Татьяну Ивановну и решил Караулов он же «Багратион», он же агент № «105», в самый кратчайший срок сделать своим агентом.

Жадность к деньгам, лицемерие, любовь к разноцветным тряпкам, привычка вкусно есть и сладко пить за чужой счет, привычка жить, подобно кукушке в чужих гнездах: сегодня – в Румынии, завтра – в Чехии, послезавтра – в Германии. Изошренная ловкость авантюриста, готовность убрать с дороги всякого, кто покушается и на её личное благополучие, – все это, давно было присущее Татьяне Ивановне, и как нельзя, кстати, облегчало трудную задачу резиденту. Для того чтобы сделать Татьяну Ивановну своим человеком, то есть, заставить, созна-

тельно, служить себе, а значит и «Бате», резидент должен был сделать немного: подцепить ее какой-нибудь приманкой.

В один из апрельских вечеров, закончив работу в книжном магазине, Владимир Караулов отправился на Луговую улицу, в самый её конец, где жила Татьяна Ивановна. Как всегда, на нём были черный, тщательно отглаженный, без единого пятнышка костюм. Безукоризненно белая рубашка, поношенная, но еще приличная велюровая шляпа и ботинки на толстой подошве, сделанные из грубой кожи быка, не боящиеся ни воды, ни снега, ни солнца. В правой руке Владимир Караулов держал небольшой увесистый чемоданчик. Он шел по той стороне улицы, где особенно густо распустили свои ветки деревья и кустарники. Благополучно, без происшествий, добрался в конец Луговой, к кирпичному, под красной жестяной крышей дому Татьяны Ивановны. Все его окна были со ставнями, они были открыты. Владимир Караулов подошел к калитке, надавил ее плечом. Заперта. Что же делать? Стучать в калитку не хочется: услышат соседи. Владимир Караулов перелез через штакетник, отгораживающий наружную, выходящую на улицу часть дома, и осторожно постучал в окно. Прошла минута, другая, третья; никто не откликнулся. Владимир терпеливо ожидал.

– Кто здесь? – послышался, наконец, вкрадчивый голос.

Он донесся со двора. Владимир обернулся. На черном фоне вечернего, с яркими звездами неба, поверх деревянного плотного забора он увидел чью – то черную фигурку. Вглядевшись в темноту, он узнал Галину, компаньонку Татьяны Ивановны, монашенку в недавнем прошлом: ее белое, как мел лицо, ее темный платок, который по-монашески был наброшен на голову, удивили его. Она стояла у входных дверей на ступеньках невысокого крыльца и внимательно рассматривала его.

– Принимай, Галина, это я, – произнес вполголоса Владимир Караулов.

– Кто это?

– Тот, кто любит вас.

Через минуту она пропустила его в открытую дверь.

– Добрый вечер, товарищ Владимир! Вы сегодня к той, кого любите, или к той, кого уважаете? – насмешливо спросила она.

– К обеим сразу. Хозяйка дома?

– Дома. Проходите.

– Одна или с клиентами?

– Мы клиенток днем любим принимать, а вечером в основном клиенты к нам навещаются. – Галина засмеялась и убежала в дом.

Прикрывая рукой глаза от яркого света, Владимир Караулов открыл дверь в прихожую, и лицом к лицу столкнулся с Татьяной Ивановной.

Это была очень красивая женщина: стройная, светлолицая, с огромными голубыми глазами. Чёрные её волосы были заплетены в косу, которая лежала на её правом плече. Рот ее слегка накрашен помадой. Золотые серьги раскачивались в ушах. Пальцы на руках унизаны кольцами. Указательный и большой на правой руке были желтыми от частого курения. Яркое платье – множество ромашек на белом поле, – чёрные туфельки и прозрачные чулки с черной пяткой довершали ее наряд.

– Добрый вечер, Татьяна! – Караулов аккуратно поставил чемоданчик в угол прихожей, степенным шагом подошел к хозяйке и, нагнув голову, прикоснулся губами к тыльной стороне ее ладони.

– А, Владимир! – бархатным, высоким сопрано, протянула хозяйка, не заметив прохладной сдержанности гостя. Рот ее растянулся в улыбке, чёрные брови, поднялись кверху, а серьги радужно засверкали своим желтовато – золотистым светом, и закачались как маятники.

– Галина, где наше французское шампанское? Доставай, живо! И ужин готовь.

Через полчаса Владимир Караулов, тщательно прикрыв грудь большой накрахмаленной салфеткой, сидел за столом напротив Татьяны Ивановны и с богатырским аппетитом уничтожал свинину, костромской сыр, яичницу, пил красное вино и непринужденно беседовал с раскрасневшейся хозяйкой. На правах старого близкого друга, который всегда, в любое время дня и ночи, постучись он в дверь, был принят. Он позволял себе время от времени прикладываться к руке Татьяны Ивановны, после чего спокойно продолжал поглощать пищу.

Уже было около полуночи. Галина убрала со стола посуду и тихо отправилась спать в свою комнату. Покончив с едой, Владимир Караулов сосредоточил все внимание на вине: он постоянно подливал его в свой бокал и в бокал Татьяны Ивановны. Она не отказывалась, пила наравне с ним. Наконец, Владимир решил приступить к делу.

– Татьяна, у меня есть для тебя скромный подарок, – воскликнул он.

– Да что Вы говорите! – удивилась она: ее друг никогда до сих пор не делал ей каких – либо подарков, ни больших, ни маленьких, за исключением букета цветов.

– Интересно, что же это может быть?

Слегка покачиваясь, Владимир Караулов прошёл в прихожую. Вернулся с чемоданчиком. Положив его на стол, похлопал ладонью по крышке и торжественно сказал:

– В какую сумму оценишь, Татьяна, содержимое этого чемоданчика?

– А что там? Книги? Опять книги! Я и так могу их выписать в библиотеке.

– Нет. Золото? Ну, не задумываясь? Татьяна Ивановна взъерошила волосы на голове своего ночного гостя, похлопала его по разгоряченной вином румяной щеке:

– Зачем тебе миллионы, Владимир? Жены не имеешь, детей у тебя нет, а лучшая подруга тебе гроша ломаного не стоит. Складываешь деньги на чёрный день, да?

– Татьяна, последний раз спрашиваю: дашь тысячу? Давай, пока не поздно. Когда открою чемодан, больше потребую.

– Да что там, не томи? – Татьяна Ивановна, наконец, встревожено посмотрела на фибровый чемодан. Любопытство её увеличивалось с каждой секундой.

– Ну, не гадая, по рукам? Или открывать?

– Не глядя! – объявила Татьяна Ивановна. Она любила рисковать. Да и как не рискнуть, как не поставить тысячу на Владимира Караулова, на милого ее сердцу человека? Вот бы за кого ей выйти замуж! Толпы, можно сказать, женихов протоптали к ее дому дорожку – всем отказала. А Владимира сама заманивала, сама в жены ему набивалась – не берет, гордыня. Пробовала хитрить; не хочешь, мол, жениться, так и не ходи, не терзай душу. Не испугался, перестал ходить. Большого труда стоило вернуть его назад! Вернулся, но стал реже заходить на Луговую. Но когда приходил, каким он был желанным и дорогим гостем.

Татьяна Ивановна выдвинула ящик комода, достала две денежные пачки, лежавшие под постельным бельем, бросила их на стол. Владимир Караулов аккуратно, обрез к обреза, сложил десять сотенных бумажек и спрятал в карман пиджака.

– Да открывай же свой несчастный чемодан, не томи! – потребовала Татьяна Ивановна.

Маленьким ключиком, который висел у Владимира на длинной цепочке, он спокойно открыл чемоданные замки. Взявшись за крышку, посмотрел на свою подругу: – Татьяна, только не ослепни? Прикрой глаза. – Да ну же!

Татьяна Ивановна резко с силой открыла крышку чемодана и увидела мешочек, в котором угадывались монеты. Она взяла мешочек потянула за верёвочку, мешочек развязался и её взору предстали царские золотые червонцы. Да, это были деньги. И не какие-нибудь, а те самые, которые Татьяна Ивановна считала настоящими, те самые, которых ей всегда не хватало и манило к ним, всё её нутро жаждало их родимых. Они лежали в чемодане поверх аккуратно сложенных книг, в маленьком мешочке. Да это были золотые червонцы с изображением Николая II, молодого, с бородой.

Затаив дыхание, с широко раскрытыми глазами, не мигая, смотрела Татьяна Ивановна на это богатство и не верила сама себе.

– Золотые червонцы? Сколько? – затаив дыхание, прошептала она, переводя восторженный взгляд на Владимир Караулова.

– Настоящие, но не так много, как тебе кажется, – Владимир взял мешочек в руку. Он высыпал четыре червонца на руку. Они поблёскивали тем необычным желтоватым цветом, который многих при их виде лишает рассудка. Зажав их в кулак он, слегка посмеиваясь, проговорил:

– Видишь, не так уж много, но и не мало. Капитал! Бери, это тебе, да помни мою доброту! Бери! И никому ни слова, ни Галине, ни даже мне, где ты их спрячешь. Пусть лежат, ждут своего часа. На!

Татьяна Ивановна с недоумением и радостью смотрела на царские червонцы, которые вложил в ее нежные руки Владимир Караулов. Душа её пела. Богатство кружило ей голову. Они напевали алчной душе Татьяны Ивановны нежнейшую песню. Невесомые, способные дать ей, то, чего ей всегда не хватало, обещали стать для Татьяны Ивановны Ноевым ковчегом, благополучно пронести ее через все жизненные невзгоды, через огонь и потоп надвигающейся катастрофы, открыть многие двери. Тяжёленькие, блестящие золотым цветом, они обладали огромной силой воздействия: заглушали все страхи Татьяны Ивановны перед неизвестным. Да, она сразу, как только увидела червонцы, решила, что они должны принадлежать именно ей. Нет, нет, они уже её! Есть для них безопасное место: подвал дома. Они попадут в хорошую компанию своих братьев – таких же, но разного достоинства. И теперь вновь жизнь дала ей шанс дополнить своё богатство. Владимир сам предал ей их, эти червонцы! Но разве от этого они ей будут менее дороги, чем другие? Нет! О родном своем сыне Павле она будет думать чаще, именно для него она их складывала эти бумажки с портретом Императора.

– Ну, почему не слышу от тебя ни слова? Онемела от радости? – пригубив красного вина из бокала, насмешливо спросил Владимир Караулов.

Татьяна Ивановна больше для порядка, чем по своему душевному состоянию, решила слегка поломаться.

– Владимир, откуда у тебя столько золотых? – спросила она и с деланным страхом посмотрела на окна.

– От прежней жизни, матушка, от неё родимой – хладнокровно ответил он.

– Но ведь они почти новые!

– Ну, значит, от новой жизни.

– Владимир, я ведь серьезно. Он встал, обошел стол, положил руку на плечо своей подруги, прищурил глаза и с усмешкой произнёс:

– Татьяна, я тоже серьезно: это тебе и всё.

– Да, но я...

Татьяна, успокойся! – повысил голос Владимир Караулов. – Вспомни, кто рядом с тобой! Ведь я, душа моя, немного, позволь так выразиться, тебя знаю. Мне давно известно, что ты копила червонцы, да и не только их, что ты их хранишь... как и я и все, похожие на нас... Хранишь для того дня, когда... одним словом, тебе и так все ясно.

Спрячь их, и знай, что я никогда бы не расстался с ними, если бы не необходимость. – Сказал он, ударив себя ребром ладони по кадыку, который своими размерами выходил как бы наружу из-за белоснежного воротника рубашки.

– Вообще, спрячь! Ну, а теперь спать, Татьяна. Сегодня я решил, несмотря, на свои привычки, остаться у тебя. Спокойной ночи!

Он поцеловал руку хозяйке, слегка зевнул, снял пиджак и медленно стал развязывать галстук.

Что оставалось делать Татьяне Ивановне? Она подумала, что ей лучше всего быть покорной. Она улыбнулась и добродушно упрекнула Владимир Караулова.

– Какой ты скрытный, Владимир! Сколько лет знаем друг друга, и ты ни разу не сознался, что имеешь такие ценности!

– «Ни разу»!.. В моем положении, дорогая, если хоть раз дашь промашку, конец. Я о многом не имею права проговариваться. А ты, Танечка, всем прекрасна, но язык твой...

– Не стоит волноваться, дорогой, – утешила Владимира Татьяна, – о твоём подарке никто не узнает.

– Будем надеяться. Постели мне там. – Он кивнул на дверь комнаты, соседней с той, где Татьяна Ивановна обычно принимала своих клиентов.

Кирпичный, под красной железной крышей дом, замыкавший Луговую улицу, погрузился в глубокий сон. До утра здесь не произошло ничего, что было бы достойно внимания.

В числе екатеринбургских клиентов и клиенток, пользующихся услугами Татьяны Ивановны, были женщины двух категорий: так называемые «гости», то есть те, что приехали сюда из других областей страны после революции в России, и «коренные» – жители Екатеринбурга. И те, и другие были разнообразны по своему составу. Во второй категории, в категории «коренных», преобладали давние заказчицы Татьяны Ивановны – екатеринбургские врачи, профессора, директора и инженеры заводов, актеры и музыканты, и жены тех не умирающих и в наши дни финансовых ловкачей фармацевтов, кто умеет делать деньги на болезнях.

Первая категория, категория так называемых «гостей», состояла частично из жен некоторых отставных офицеров, обосновавшихся на старости под теплым екатеринбургским солнцем, и военнослужащих, расквартированных в Екатеринбурге и его окрестностях.

Татьяна Ивановна бессовестно обирала всех. Многие это отлично знали, но что поделаешь! Никто в Екатеринбурге не способен сделать это так, как Татьяна Ивановна! Никто не придумает такого варианта, какой легко могла предложить она! От клиенток у Татьяны Ивановны не было отбоя. Бывшей монашенке Галине пришлось завести специальную книгу, на страницах которой она «ставила на очередь» тех, кто обращался к Татьяне Ивановне за помощью. Некоторые клиентки, те, кому хотелось как можно скорее необходимы были лекарства, «добытых» руками Татьяны Ивановны, вынуждены были не только дорого платить, но и прибегать сверх платы к разного рода ухищрениям:

Татьяны Ивановны приносили в подарок редкой расцветки перчатки, ювелирные безделушки. Ей устраивали по своей цене отрез какой-нибудь необыкновенной шерсти, новейшей модели туфли, дефицитную цигейку. И все это делалось в надежде заслужить её особое расположение. Все знали, что она имеет допуск к складам с лекарствами, оставшиеся здесь ещё со времён Первой мировой войны. И все знали о её близости к новой власти. Комиссары тоже иногда болели.

Утро следующего дня было воскресным. Но и в этот день ей не было покоя. С восходом солнца в ее дом потекли клиентки. Одна за другой они осаждали плохо выспавшуюся, еще не одетую и не причесанную, в халате и домашних туфлях, сильно надушенную. И все они, подобострастно улыбаясь, робко и нежно спрашивали: «Готово?» Всем она отвечала одно: «К великому сожалению, еще нет. У меня в последние дни сильно болит голова, на стену лезть хочется». Клиентки и клиенты не обижались, не отчаивались, не злились. Они делали вид, что верили ей. Сегодня не готово, так будет готово завтра. Можно потерпеть немного. Но хорошо, если только один день, а вдруг... Одна из клиенток решила задобрить Татьяну Ивановну и выложила ей все субботние новости: какой доклад был в Совете. Кто приезжал из штаба Военного округа, кто из военных получил благодарность в приказе за выполнение задания. Татьяна Ивановна, дымя сигаретой, слушала словоохотливую заказчицу. Но вскоре ее болтовня надоела. Сказав, что заказ будет обязательно готово завтра, Татьяна Ивановна бес-

церемонно выпроводила жену одного из известных представителей военного отдела товарища Хохрякова на улицу.

Вернувшись в дом, Татьяна Ивановна приказала Галине закрыть калитку и всем страждущим отвечать, что её нет дома, будет после обеда, если не позже.

Заглянув по пути в зеркало, уверенная, что в ее распоряжении все воскресное утро, она со спокойной душой подошла к двери, за которой спал Владимир Караулов, легонько постучала и нараспев спросила своего близкого и родного ей человека, спит он или не спит, можно ли к нему войти. К удивлению и огорчению Татьяны Ивановны дверь распахнулась, и перед нею предстал ее друг в таком виде, на который она никак не рассчитывала. Он был уже в костюме, а в руках держал свой неказистый чемоданчик.

– Ты куда, Володенька? – встревожилась хозяйка.

– Дела, Танюша, дела!

– Какие же у тебя дела в воскресенье, ты же сегодня не работаешь в магазине?

– Есть дела и вне его.

– Хоть бы позавтракал... Остайся, Владимир! Караулов посмотрел на часы, подумал и сказал, что для завтрака у него еще найдется время.

За завтраком, пережевывая жареный в сливочном масле, аппетитно подсушенный ломтик белого хлеба, Владимир Караулов загадочно усмехнулся:

– Танюша, у меня есть для тебя еще один большой сюрприз.

– Опять? Какой? Чемоданный?

– Угадала.

Караулов просто объяснил, что он слышал рассказ последней клиентки, жены Матроса Хохрякова, которая рассказывала ей все субботние новости о военной жизни городка. Боже мой, как серьезно она рассказывала и как смешно теперь слушать все это, когда ты это пересказываешь.

– Ну, чем не сюрприз? – Улыбнулся Владимир Караулов...

– Замечательный! Молодец! Владимир. Я расскажу о том, как ты подслушивал наши разговоры. Вот повеселимся!

– Э, нет, Танечка, не для тебя я старался! А я расскажу комиссару о том, как ты торгуешь ворованными лекарствами с армейских складов, и что у тебя сеть клиентов. Тебя арестуют и посадят в тюрьму. И тогда тебе конец. А твой сын? Ты подумала? Советую успокоиться.

– Ты, дорогая, пока никому не говори, что я тут нечаянно подслушал... Ну, мое сердце, родная, не теряй аппетита. До завтра! – Приду вечером. Жди.

Он ушел. Пришел, как и обещал, в понедельник под вечер. Владимир Караулов был в том же черном костюме, в белоснежном воротничке, но лицо его теперь было серьезное, строгое, властное.

– Отправь Галю в город по какому-нибудь делу, – приказал он.

Галина взяла продуктовую сумку, получила, деньги и ушла. Голубева и Владимир Караулов остались одни. Татьяна Ивановна вопросительно, тревожно посмотрела на гостя.

– Слушай меня внимательно и не задавай никаких вопросов, – сказал он. – Вчера, как ты знаешь, я подслушал болтовню жены комиссара Хохрякова. Сегодня я выгодно, очень выгодно продал эту информацию.

– Кому, Владимир? Зачем?

– Сердце мое, я уже предупредил, что на вопросы имею право только я. Один я! Так будет сегодня в течение всего нашего разговора, так будет и впредь в течение всей нашей совместной работы.

– Какой работы, Владимир? Ты. Что с ума сбрендил?

– Ты достаёшь лекарства женам красногвардейцев, военнослужащих екатенибургского гарнизона. У тебя есть возможность знать многое из того, что творится в Совете. Выуживай все важные новости и записывай.

Караулов говорил не торопясь, с интонацией, как будто разговор шел о будничных делах, давно надоевших. И вот это усталое спокойствие, с каким он произносил страшные для Татьяны Ивановны слова, больше всего её удивляли.

Она остеклевшими глазами, раскрыв, побледневший рот, с ужасом смотрела на своего близкого давнего друга и не узнавала его. Кто это?

– Все свои записи, – продолжал Владимир Караулов, нежно глядя на Татьяну Ивановну, – ты должна передавать мне. За это я буду ежемесячно, каждое первое число, приносить тебе оплату. Работай, Танюша, спокойно, без страха. Будь твердо уверена: я уберегу тебя от всяких опасностей. Никогда со мной не попадешься. Чуть ли не полжизни я служу своим друзьям и, как видишь, цел и здоров. Вот кажется, и все. – Владимир Караулов поцеловал Татьяну в холодные, дрожащие губы. – Поздравляю, моя душа! Теперь мы с тобой соединены навеки, крепче, чем муж и жена.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.